

Московская смута 1682 года

Побуждение к избранию в цари Петра мимо Иоанна — Партия Иоанна и ее движения — Сцены на погребении царя Феодора — Волнения стрельцов и солдат — Слабость правительства и разнузданность стрельцов — Заговор Милославского — Приезд Матвеева — Стрелецкий бунт — Двоевластие и правление Софьи — Неловкое положение стрельцов — Столп на Красной площади для оправдания бунта — Движение раскольников — Хованский их поддерживает — Раскольничья смута 5 июля — Стрельцы отстают от раскольников, и дело последних проиграно — Продолжение стрельецки волнений — Отъезд двора из Москвы — Казнь Хованских — Призыв дворянского ополчения — Волнения и ужас стрельцов и солдат — Они просят помилования у царей — Условия помилования — Стрельцы признают себя бунтовщиками — Уничтожение столпа на Красной площади — Возвращение двора в Москву — Шакловитый — начальник Стрелецкого приказа, его твердость — Меры против следствий мятежа — Смуты в Малороссии и на Дону — Удаление опасных стрельцов из Москвы.

Рассказывают, что молодая жена царя Феодора, Марфа Матвеевна, употребила все старания, чтоб сблизить своего мужа с мачехою и детьми ее, с которыми у него до сих пор продолжались *неукротимые* несогласия. Царица успела в своем деле; мы видели что она успела также выхлопотать перевод Матвеева из Мезенг в Лух, но не в Москву! Вместе с царицею Марфою за царицу На талью, за Нарышкиных и Матвеева хлопотали сильно Апраксины. Языков, Лихачевы. Но почему же Языков и Лихачевы так поздно начали хлопотать? Они могли сделать это гораздо раньше. Дело в том, что раньше не было нужды: большая сила была в руках Языкова и Лихачевых, зачем же *ею* с кем-нибудь делиться? Царь Феодор еще не был очень слаб и была надежда на потомство от него Но вот царица и новорожденный царевич умирают, царь женится в другой раз, но это отчаянное средство не помогает: Феодор день ото дня становится слабее. Языкову, «глубокому московских прежде площадных, потом и дворских обхождений проникателю», нужно стало позаботиться о будущем. После Феодора, наследниками останутся два брата: Иоанн, больной, слепой, слабоумный. и Петр, здоровый, живой, даровитый десятилетний мальчик. Стать за Иоанна — какое будущее? Много нацарствовал Феодор? Не Феодор еще не всегда нуждался в опеке, а за Иоанна постоянно должны управлять другие; кто же будет управлять? Царевна Софья с Милославскими? Значит, Языкову и Лихачевым надобно готовиться в путь еще подальше Пустозерска, за Камень, ибо Милославские не забудут, что у них была отнята власть Языковым и Лихачевыми. А с Нарышкиными и Матвеевым сблизиться легко, содействуя их возвращению, тем более что старой вражды не было.

Большинство знати должно было разделять взгляд Языкова и Лихачевых относительно престолонаследия. Стать за неспособного и недолговечного Иоанна значило накликал смуту на себя и на землю, и кому из знати охота повиноваться Милославским или тем, кого возьмет к себе в советники царевна Софья? Матвеев же

перебивал во дворце дорогу Милославским и Хитрово, но всегда почитал знатных людей. И надобно заметить, что большинство этой знати состояло из людей или уже совершенно одряхлевших, или неспособных к видной деятельности и потому довольных, если им будет почет по их роду. Двое из старинной знати, князь Василий Васильевич Голицын и князь Иван Андреевич Хованский, выделялись из ряда, не были приверженцами Петра. Можно думать, что уже и тогда князь Голицын был соединен с царевною Софьею сердечным союзом и при ее торжестве с восшествием на престол Иоанна мог подняться и играть первенствующую роль. Князь Хованский, знаменитый (преимущественно своими поражениями и жалобами на него подчиненных) воевода царя Алексея, человек энергический, смелый, но без рассудительности, природа порывистая, беспокойная, заносющаяся, верно очерченная в народном прозвище *Тараруй*. Член рода знатного, но долго не отличавшегося почетом служебным, Хованский тем сильнее превозносился своим происхождением от Гедимины, резче других высказывался против новых людей, которых так много явилось в последнее время; приверженец старины во всем, Хованский был сильно недоволен этим временем Нащокиных, Матвеевых, Языковых, Лихачевых, Нарышкиных, Апраксиных и с нетерпением ждал времени, когда все эти ненавистные для него люди исчезнут и ему можно будет наконец получить достойную его деятельность. Кто даст ему эту деятельность, к тому он и примкнет. От Нарышкиных и Матвеева Хованский не ждал ничего хорошего для себя, а следовательно, и для России, и потому он не был приверженцем Петра.

Таким образом, царевны, дочери Милославской, и представительница их Софья не могли ждать себе подпоры в членах думы. А между тем положение их было отчаянное: в начале царствования Феодора они воспользовались своим торжеством и не пощадили мачехи, ее родных и воспитателя: чего же ждать им теперь хорошего от торжества царицы Натальи, Нарышкиных, Матвеева? Софья и человек, которого интересы были сильно связаны с ее интересами, боярин Иван Михайлович Милославский, действуют по инстинкту самосохранения. Орудиями их являются родственники и люди молодые, т. е. незначительные: стольники Александр Милославский, братья Толстые — Иван и Петр Андреевичи (племянники Ив. Милославскому), два стрелецкие подполковника, Иван Цыклер из иноземцев и Иван Озеров, да выборные стрельцы: Борис Одинцов, Абросим Петров, Кузьма Чермный. Деньгами, богатыми обещаниями им удалось набрать толпу людей, готовых отстаивать права старшего царевича на престол.

В таком положении были дела, когда разнеслась весть о кончине царя Феодора. Вельможи, твердо решившиеся провозгласить Петра, знали или догадывались о движениях Милославского и потому думали, что при этом провозглашении, может быть, дело дойдет и до ножей. Дядька царевича Петра князь Борис Алексеевич Голицын с братом Иваном и четверо Долгоруких — Яков, Лука. Борис и Григорий, отправляясь во дворец на царское избрание, поддели под платье панцири. На этот раз, однако, дело обошлось без смуты. Когда все, по обряду, простились с покойным царем и потом одинаково целовали руки у обоих оставшихся братьев его, Иоанна и Петра, патриарх с архиереями и вельможами вышел в переднюю и спросил: кто же из двух царевичей будет царем? Присутствующие отвечали, что этот вопрос должен быть решен всех чинов людьми Московского государства. Под Московским государством, в тесном смысле, разумели обыкновенно один царствующий град: так по крайней мере было понято тут. Патриарх с архиереями и вельможами вышел на крыльцо, велел всяких чинов людям собраться на площади перед церковью Спаса и

спросил: кому из двоих царевичей быть на царстве? Раздались крики: «Петру Алексеевичу!» Раздались и другие крики: «Иоанну Алексеевичу!» — но были заглушены. Всех чинов люди решили дело патриарх возвратился во дворец и благословил на царство Петра.

Но кто же и по каким побуждениям кричал за Иоанна? Современники сохранили имя одного из этих крикунов, дворянина Максима Сумбулова, и рассказывали следующее о позднейшей встрече его с Петром. Однажды Петр, будучи у обедни в Чудове монастыре, заметил, что один монах не подошел к антидору; царю показалось это странным, он спросил, кто этот монах, и получил в ответ, что Сумбулов. Петр подозвал монаха и спросил, отчего он не подошел к антидору. «Не посмел пройти мимо тебя и поднять на тебя глаза», — был ответ. Петр велел ему идти к антидору и потом, подозвавши опять к себе, спросил: «Отчего я тебе при выборе на царство не показался?» Монах отвечал: «Иуда за тридцать сребреников продал Христа, будучи его учеником; а я твоим, государь, учеником никогда не бывал: то диво ли, что я тебя продал, будучи мелким дворянином, за боярство?»

Сумбулов с товарищами не успели выкрикнуть Иоанна. Петр был провозглашен царем, т. е. правление государством, по известному обычаю, против которого никто не спорил, переходило к матери его, царице Наталье. Ненавистная мачеха будет правительницею — эта мысль душила Софью; она не могла выдерживать, притворяться, да и никакое притворство теперь не могло помочь. В день погребения царя Феодора она удивила всех, пошедши за гробом в собор, вопреки обычаю, не допускаяшему царевен участвовать в подобных церемониях. Напрасно отговаривали ее, представляли, что не годится, неприлично: Софья никого не послушалась и, говорят, обратила на себя внимание народа страшным воплем. Горе Софьи было непритворное; не притворялись, не сдерживали себя и с другой стороны: царица Наталья и царь Петр, простившись с покойником, возвратились во дворец задолго до окончания службы, за ними последовали и некоторые вельможи. Легко поверим известию, что этот поступок произвел сильное негодование на половине царевен, из которых Анна и Татьяна Михайловны, как тетки царские, пользовались особенным уважением. Они отправили монахинь к царице Наталье с выговором: «Хорош брат: не мог дожидаться конца погребения!» Царица отвечала, что Петр еще ребенок, не мог выстоять такой долгой службы не евши, а брат царицын, Иван Кириллович Нарышкин, недавно возвращенный из ссылки, сказал: «Кто умер, тот пусть и лежит, а царское величество не умирал, жив». Погребение кончилось; Софья возвратилась во дворец, и рассказывали, будто она, идя из собора и горько плача, обращалась к народу с такими словами: «Видите, как брат наш царь Феодор неожиданно отошел с сего света, отравили его враги зложелательные; умилосердитесь над нами, сиротами, нет у нас ни батюшки, ни матушки, ни брата; старший брат наш Иван не выбран на царство; а если мы перед вами или боярами провинились, то отпустите нас живых в чужие земли, к королям христианским». Слова эти произвели сильное впечатление на народ.

Но как бы ни сильно было это впечатление, рассчитывать на спокойную безоружную массу было нельзя, и потому обратились к стрельцам, уже подготовленным к движению. Мы знаем, что в то время, когда сильный, облеченный властью человек стремился прежде всего кормиться на счет слабого, подчиненного, употреблять его на свою личную службу, жалобы приходили не от одних посадских, притесняемых воеводами, но и от служилых людей, притесняемых своими воеводами, и потому нам

нисколько не будет удивительно, что и стрельцы, и солдаты в конце царствования Феодора жаловались на притеснения того или другого из своих полковников. Для стрельцов притеснения были очень чувствительны, потому что они в свободное от службы время жили с семьями, своими домами, в особых слободах и занимались выгодными промыслами: главная жалоба их на некоторых полковников состояла в том, что они занимали их своими работами и таким образом отрывали от промыслов. Время было такое в конце царствования Феодора, что и полковники могли разнуздаться больше прежнего, и стрельцы могли своевольничать. Смотри на общее направление правительственной деятельности, мы не можем отказать в смысле и благонамеренности людям, близким к царю, — Языкову, Лихачевым. Но мы ни из чего не можем заключить, чтоб эти люди обладали особенными талантами, особенную твердость характера, столь необходимого для поддержания порядка во всех частях управления: и восхвалители Языкова выставляют прежде всего его придворную ловкость и хитрость, а хитрость — орудие слабого; притом же в последнее время царя Феодора, когда царь видимо угасал, Языкову с товарищи надобно было заботиться прежде всего о самих себе. До какой степени были слабы духом остальные придворные, от ближнего боярина до стольника, стряпчего и жильца, все эти прирожденные воины, прирожденные воеводы, всего лучше покажет нам постыдное поведение их при стрелецком бунте; здесь всего лучше высказалась несостоятельность старинного дружинно-придворного устройства и необходимость преобразований. Безопасность и порядок в столице основывались на стрельцах, а Стрелецкий приказ был в ведении старого боярина князя Юрия Алексеевича Долгорукого. Мы встречались нередко с Долгоруким как с одним из самых видных воевод царя Алексея и одним из самых близких к нему людей; но теперь князь Юрий уже был развалина от старости и паралича; сын его и товарищ по приказу, князь Михайла, не был способен заставить уважать себя, и вот полковники притесняют, а стрельцы волнуются, не чувствуя сверху сильной руки, способной сдерживать неправду и волнения.

Стрельцы полку Пыжова всем приказом били челом государю на полковника своего Богдана Пыжова, что он вычитал у них по половине денежного жалованья; царь велел разыскать дело Языкову. Говорят, что Языков сделал розыск несправедливый, поверил полковникам. Не знаем, восколько мы должны верить показанию человека, который, по привязанности к Софье и Милославским, мог быть враждебен Языкову, но вспомним, что для Языкова «глубокого дворских обхождений проникателя», указать на беспорядки в Стрелецком приказе значило оскорбить начальника приказа, князя Долгорукого, такого столпа! Как бы то ни было, челобитчиков стрельцов, лучших людей, велено наказать, чтоб они впредь не смели бить челом на полковников, их били кнутом и разослали в ссылки; полковники подняли головы и еще хуже начали обращаться с рядовыми. 23 апреля стрельцы подали новое челобитье на другого полковника, Грибоедова; но на этот раз, боясь, как видно, что опять не захотят обидеть Долгорукого, пошли по начальству, подали челобитье в Стрелецком приказе чрез одного выборного. Долгорукому доложили, что принес челобитную пьяный стрелец и наговорил много непристойных слов про него, боярина, и про других. Боярин велел схватить челобитчика и высечь кнутом перед съезжею избою, чтоб другим впредь было не повадно так воровать; но когда стрельца вывели на площадь и прочли ему приговор, то он закричал товарищам: «Братцы! Ведь я по вашему желанию и приговору подал челобитную: так зачем же вы теперь позволяете чинить надо мною такое поругание!» Стрельцы взволновались, бросились на приказных сторожей, смяли их и выручили товарища. Это было знаком

к волнению почти во всех стрелецких полках. Солдаты подали в то же время челобитную на генерала своего, Матвея Кравкова. Стрельцы били челом царю на Грибоедова и «хотели было бунтовать». Правительство предупредило бунт, приказавши Грибоедова отставить из полковников, отнять вотчины и сослать в Тотьму.

В таком положении были дела, когда умер Феодор. В самый день его смерти, во время присяги Петру, стрельцы приказа Карандеева отказались целовать крест: к ним отправлены были окольный князь Константин Щербатый, думный дворянин Змеев и думный дьяк Украинцев, которым удалось уговорить стрельцов, и они поцеловали крест Петру.

Но на третий же день явилась во дворец толпа и от имени шестнадцати стрелецких полков и одного солдатского, Бутырского, потребовали, чтоб девять полковников были схвачены и приневолены выплатить деньги, вымученные у стрельцов, также деньги за работы, к которым они принуждали стрельцов, в противном случае грозились промыслить сами о себе, перебить полковников, разграбить их дома и животы. «Достанется и другим изменникам! — кричали стрельцы — Будет нам терпеть мучение от полковников и смотреть, как изменники обманывают царское величество!» Подле царицы Натальи не было в это время ни одного человека, который бы мог найтись в подобных обстоятельствах. Испугались, не знали, что делать; решили перехватать обвиненных полковников и посадить под караул в Рейтарском приказе. Но стрельцы этим не довольствовались, требовали, чтоб полковники были выданы им головами. Правительство не соглашалось, обещая само оказать справедливость; стрельцы долго упорствовали и едва были уговорены некоторыми вельможами, имевшими на них влияние, и архиереями; им обещано, что со старых полковников взыщут все деньги и поставят новых. Но по некоторым, чуть ли не обстоятельнейшим, известиям, правительство так испугалось, что согласилось выдать полковников: один патриарх понял весь ужас подобной уступки и поспешил разослать по всем полкам с увещаниями не требовать выдачи.

Как бы то ни было, полковники должны были заплатить все начитанные на них стрельцами деньги; с иных взыскали до 2000 рублей; тех же, которые не могли заплатить, держали на иправеже часа по два. Кроме того, некоторые сильно обвиняемые были особенно биты батогами, а Карандеев и Грибоедов кнутом, пред чем, по обычаю, читались им сказки или объявление вины. Семену Грибоедову читали: «Били на тебя челом великому государю пятидесятники, десятники и рядовые стрельцы твоего приказа: ты чинил им налоги, обиды и всякие тесноты; для взяток и работ бил их жестокими боями, бил батогами, ругательством, взявши в руки батога по два, по три и по четыре; на их стрелецких землях устроил огороды и всякие овощные семена на этих огородах велел им покупать на сборные деньги; на огороды и в деревни свои на всякие работы посылал их, стрельцов, и детей их и заставлял отвозить туда на их же, стрелецких, подводах; неволею заставлял их шить себе цветное платье, бархатные шапки, желтые сапоги; из государского жалованья вычитал у них деньги и хлеб, отпускал их с караулов и за то брал с них деньги; деньги, которые им даются на стенной караул, и запасы из дворцов ты брал себе; приказывал им покупать лес и всякие запасы на свое дворовое строенье на сборные деньги; к себе на двор брал из них денщиков помногу и заставлял их работать всякую работу и отходы чистить. Будучи в походах, делал им также всякие тягости и на подводах их возил свои запасы. При царе Феодоре Алексеевиче указано было

тебе с великим подкреплением никаких взяток не брать и стрельцов работать на себя не заставляя, для того тебе и дана была деревня в поместье, а ты, забыв милость великого государя, стрельцов обижал и бил их напрасно». Несмотря на то что стрельцы отказались от выдачи им полковников головою, они толпились тут же на площади при правеже и наказаниях, распоряжались; закричат: «Довольно!» — и правеж прекращается. Но, как видно, высказывалось сильное неудовольствие не на одних стрелецких полковников, а на всех временщиков прошлого царствования, и, чтоб потушить это неудовольствие, царь положил опалу, запретил видеть свои очи боярину Ивану Языкову и сыну его чашнику Семену, постельничему Алексею и казначею Михайле Лихачевым, ближним стольникам Ивану Языкову и Ивану Дашкову. Но эта мера не помогла.

Получивши над полковниками свою волю, стрельцы разнуздались, не чувствуя над собою никакой силы; стали ежедневно собираться многочисленными толпами у своих съезжих изб, бояр своих, князей Долгоруких, ставили ни во что, смеялись над ними, грозили; тем меньше уже стали они уважать начальников второстепенных этих просто отгоняли от своих съезжих изб, бросали в них камнями, палками, бранили непристойными словами; те же из начальных лиц, которые попробовали строгостию восстановить порядок, испытали и похуже: их схватили, взвели на каланчи и сбросили оттуда при криках: «Любо! Любо!» Но, разнуздавшись таким образом, благодаря совершенной слабости, отсутствию правительства стрельцы должны были чувствовать, что их воля пройдет вместе со слабостию правительства и они могут дорого поплатиться за эту волю. С какою жадностию, следовательно, они должны были прислушиваться к внушениям, что правительство нечего уважать и нечего ему повиноваться: оно незаконное! Пренебрегать таким правительством, идти против него — это не бунт, а заслуга! Один из современников говорит, что весть о стрелецких движениях была для царевны Софьи так же радостна, как для Ноя масляная ветвь, принесенная голубицею в ковчег; но можно сказать, что и внушения от царевны и ее сообщников были для стрельцов также масляною ветвию. Прежде всего, говорят, обратился к стрельцам Хованский; слова его, как известного боевого воеводы, производили сильное влияние. «Вы сами видите, — говорил Тараруй то одному, то другому из стрельцов, — вы сами видите, в каком вы у бояр тяжком ярме, теперь выбрали бог знает какого царя, увидите, что не только денег и корму не дадут, но и работы тяжкие будете работать, как прежде работали, и дети ваши вечными невольниками у них будут; а что всего хуже, продадут и вас и нас в неволю какому-нибудь чужеземному неприятелю, Москву сгубят и веру православную искоренят». Но не один Хованский делал подобные внушения; Иван Михайлович Милославский, лежа на постели, притворяясь больным, кипятил заговор: к нему по ночам приходили выборные стрельцы — Одинцов, Петров, Чермный и толковали о стрелецких движениях вместе с Толстым, Цыклером, Озеровым. Вдова, постельница Феодора Семенова Родимица, из малороссийских козачек, с деньгами и с щедрыми обещаниями от царевны Софьи ходила по стрельцам. Волнение обхватило все полки, только один Сухарев был сдержан благодаря пятисотному Бурмистрову и пятидесятнику Борису. Стрельцы собирались ежедневно в круги, становились под ружье без полковничья приказа, били в набат, кричали по торговым баням против правительства с похвальбою: «Не хотим, чтоб нами управляли Нарышкины и Матвеев, мы им всем шею свернем».

Но от слов еще не доходило до дела; для этого мало было неопределенных обещаний всякого зла со стороны Натальи, всякого добра со стороны царевны Софьи; нужно

было побуждение посильнее, чтоб заставить броситься во дворец и нерешительных, и таких, которые были охотники покричать, но робели перед делом. Заговорщики наверху берегли еще это побуждение, они дожидались приезда Матвеева, который первый должен был пасть под стрелецкими ударами, потому что один мог дать силу правительству ненавистной мачехи.

Мы видели, что еще при Феодоре Матвеев был переведен из Мезени в Лух, и здесь ему велено дожидаться дальнейшего указа царского; этот указ пришел к нему уже от имени царя Петра — ехать в Москву как можно скорее. Старик отправился немедленно; на дороге встретились ему семеро стрельцов, которые нарочно шли к нему, чтоб рассказать и волнениях товарищей и об опасности которая грозит ему от них. Известия стрельцов заставили Матвеева еще больше спешить. «Уничтожу бунт или положу жизнь за государя, чтобы глаза мои на старости лет большей беды не увидели», — сказал он. В Троицком монастыре и на дороге оттуда Матвеева ждали почетные встречи. 12 мая вечером он приехал в Москву; на другой день представился царю и царице, причем была «радость неизреченная, что никакое человеческое писало по достоянию исписати не возможет». 13 числа Матвеев ездил к патриарху и долго разговаривал с ним во внутренней келии, ездил навестить и старого приятеля своего, больного князя Юрия Алексеевича Долгорукова, и с ним долго разговаривал; а между тем вся знать спешила побывать в доме у Матвеева, в руках которого теперь должно было сосредоточиться правление; были и выборные стрельцы из всех полков с хлебом и солью, с просьбою о заступничестве, потому что заслуги их ему больше других бояр известны. Не был один Иван Михайлович Милославский, сказываясь больным.

У Милославского с товарищами уже все было готово; им теперь нужно было спешить: Матвеев тут, в Москве, надобно напасть на него сейчас же врасплох, не дать осмотреться и взять в искусные руки правление. Ненавистный старик не растерял в Пустозерске и Мезени ничего из прежней своей ловкости, уменья привлекать к себе людей. Как он умел принять каждого, к нему приезжавшего. обласкать! Все были в восторге, даже и те, которые были к нему не очень расположены. Все надеялись, что Матвеев укротит стрельцов, укротит и Нарышкиных. Были оскорблены непомерным возвышением братьев царицы, Нарышкиных, молодых людей, за которыми никто не знал никаких достоинств. Иван Кириллович на 23 году был пожалован в бояре! И вот пошли слухи, что и боярин Артамон Сергеевич также недоволен быстрым возвышением Нарышкиных. Все были рады Матвееву, и потому Милославскому надобно было спешить.

15 мая, роковой день убиения царевича Димитрия, назначен был заговорщиками для бунта. По рукам у стрельцов уже ходил список *изменников*, которых надобно истребить. Утром по стрелецким полкам проскакал Александр Милославский и Петр Толстой с криком, что Нарышкины задушили царевича Ивана и чтоб стрельцы шли в Кремль на службу. Стрельцы ударили в набат, в барабаны, и двинулись ко дворцу с знаменами и пушками. Это было в понедельник, в полдень, когда Матвеев сходил с дворцовой лестницы, чтоб ехать домой; но на лестнице встретил его боярин князь Федор Семенович Урусов и объявил, что стрельцы и солдаты бунтом вошли в Земляной город, скоро будут и в Белом. Матвеев возвратился наверх и донес об этом царице. Немедленно отдан приказ подполковнику стремянного полка запереть все кремлевские ворота, но уже было поздно: вбежало несколько бояр с известием, что стрельцы приближаются, кричат, что царевича Ивана убили Нарышкины и что они,

стрельцы, идут выводить изменников и губителей царского рода. Набат и барабанный бой раздался по всему Кремлю; стрельцы побили многих боярских людей и лошадей, а других переранили. Матвеев и другие ближние люди, собравшиеся у царицы, послали за патриархом, который и явился вместе с посланным, а между тем положено было вывести к стрельцам царя и царевича и таким образом отнять предлог к смуте. Царица вместе с патриархом и боярами вывела Петра с братом на Красное крыльцо. Толпа стихла при этом зрелище. Как же это так? Нет ли и тут обмана? Несколько стрельцов подставили лестницу, влезли на крыльцо к самому царевичу и спрашивали его: прямой ли он царевич Иван Алексеевич и кто его из бояр изменников изводит? «Меня никто не изводит, и жаловаться мне не на кого», — отвечал Иван.

Это была страшная, решительная минута для заговора. Стрельцы обезоруживались. Уйдут с позором из Кремля, и в другой раз их уже трудно будет привести туда на ту же удочку, а между тем Матвеев примет свои меры. Начали поджигать толпу отчаянными средствами, кричать, что хотя царевич и жив, но все же пусть выдадут его недоброхотов, Матвеева и Нарышкиных; кричали, что Иван Нарышкин примеривал на себя корону и разные царские украшения. Вниз сошли уговаривать стрельцов бояре: князь Михайла Алегукович Черкасский, князь Ив. Андр. Хованский, Петр Вас. Шереметев Большой, князь Вас. Вас. Голицын; стрельцы обратились к ним с требованием, чтоб великий государь указал им выдать бояр: князя Юрия Алексеевича Долгорукого, князя Григ. Григор. Ромодановского, князя Мих. Юрьев. Долгорукого, Кирилла Полуехтовича Нарышкина, Артамона Серг. Матвеева, Ив. Максим. Языкова, Ив. Кирилл. Нарышкина, постельничего Алексея Лихачева, казначея Михайлу Лихачева, чашника Семена Языкова; думных дьяков: Лариона Иванова, Данила Полянского, Григ. Богданова, Алексея Кириллова; стольников: Афанасья, Льва, Мартемьяна, Федора, Василья, Петра Нарышкиных. Когда им сказали, что этих людей нет у государя, то они начали волноваться, на князе Черкасском изодрали кафтан. Тут Матвеев сошел с крыльца за решетку и стал уговаривать стрельцов, припомнил их прежние заслуги: сперва они сами помогали укрощать бунты, а теперь собственным мятежом уничтожают все старые подвиги. Тщетно Хованский, как говорят, делал стрельцам знаки, чтоб они бросились на Матвеева: стрельцы оставались тихи и неподвижны и просили Матвеева, чтоб заступился за них пред царем. Матвеев, довольный оборотом дела, возвратился наверх к царице. Но заговорщики не дремали: видя, что дело не ладится перед дворцом, они направили толпу самых отчаянных стрельцов из сеней Грановитой палаты на Красное крыльцо, а между тем и перед дворцом им помог человек, на которого, разумеется, они меньше всего могли рассчитывать. Князь Михайла Долгорукий, о котором не было слышно во все продолжение страшной смуты, тогда как его было дело не допускать до этой смуты, теперь, когда стрельцы находились в затруднительном положении, пришедши по нелепому слуху в Кремль ко дворцу, и когда были утишены Матвеевым, теперь князь Михайла вздумал разыграть пред ними начальника: с бранью и угрозами начал он на них кричать, приказывая сейчас же убираться из Кремля в свои полки. Ничто не могло так раздражить разнуздавшихся стрельцов, как этот старый начальнический тон, и, что было всего хуже, этот начальнический тон принимал человек, которого они не любили и не уважали, над которым привыкли смеяться. Стрельцы вышли из себя, вломились на крыльцо, схватили Долгорукого и сбросили его вниз на подставленные копыя, полумертвого изрубили бердышами. У толпы помутилось в глазах от первой крови, а тут из сеней Грановитой палаты вбегают другие стрельцы и бросаются на Матвеева.

Царица и князь Михаил Алегукович Черкасский хотели было защитить его; но стрельцы вырвали у них Матвеева и сбросили на площадь против Благовещенского собора: тут изрубили его на мелкие части. По другим известиям, Матвеев, чтоб защитить себя, схватил под руку царя Петра, но стрельцы вырвали его из-под руки царской. Патриарх хотел было сойти к стрельцам вниз, но ему закричали: «Не нужно нам ни от кого никаких советов, время разбирать, кто нам надобен» — и, уставя перед собою копья, бросились во дворец искать *других изменников*. Наталья Кирилловна, схвативши сына, ушла в Грановитую палату, и за нею разбежались все; неизвестно куда попрятались многочисленные царедворцы и вместе воины, ежедневно толпившиеся на крыльце и в передней, а теперь оставившие дворец, Кремль и Москву во власти расвирепевших стрельцов, на которых обыкновенно смотрели с таким презрением.

Оставшись господами во дворце, стрельцы бегали всюду по комнатам царевен; заглядывали под кровати, перетряхивали перины, рылись в чуланах, забегали в церкви, в алтари, ощупывали престолы и жертвенники, тыкали под них копьями, думая, что там скрылся кто-нибудь из Нарышкиных. Встретили стольника Федора Петровича Салтыкова, приняли его за Афанасия Кирилловича Нарышкина и убили; потом, увидя ошибку, отвезли тело к отцу, известному нам боярину Петру Михайловичу Салтыкову, с извинениями; старик отвечал: «Божья воля!» — и велел угостить убийц вином и пивом. В комнате царицы Натальи нашли они карла, прозвищем Хомяка, и спросили, где спрятались Нарышкины. Хомяк указал им в сенной церкви Воскресения под престолом место убежища Афанасья Нарышкина: стрельцы вытащили его на паперть, рассекли и выбросили на площадь. Ивана Фомича Нарышкина отыскивали в доме его за Москвою-рекою и убили; убили и знаменитого воеводу двух последних царствований, князя Григория Григорьевича Ромодановского, на которого были злы со времени чигиринских походов; любимец покойного царя Феодора, боярин Языков, скрылся было у духовника своего при церкви Николы на Хлынове, но был предан холопом; стрельцы привели его к Архангельскому собору и изрубили на части; убили думного дьяка, управлявшего Посольским приказом, Лариона Иванова и несколько других, менее значительных людей. Все эти убийства сопровождались криками: «Любо ли?» — обращенными к окружающему безоружному народу, от которого стрельцы требовали одобрения своим поступкам; надобно было кричать «любо!» и махать шапками; кто же не хотел кричать «любо!» или показывал вид сожаления, тех били. Убивши кого-нибудь, волокли в Спасские или Никольские ворота на Красную площадь; перед телом шли стрельцы как будто для почета и кричали: «Вот боярин Артемон Сергеевич! Вот боярин князь Ромодановский, вот Долгорукий, вот думный едет, дайте дорогу!» Мы видели, что стрельцы ходили к старому боярину Салтыкову с извинениями, что ошибкою убили сына его. С такими же извинениями явились они и к больному осмидесятилетнему Долгорукому, что не удержались в запальчивости, грех попутал, убили сына его, князя Михайлу. Старик спокойно выслушал их извинения, у него даже достало духа угостить их вином и пивом. Но когда убийцы ушли и к больному князю вошла невестка, вдова убитого, с громкими воплями о муже, Долгорукий сказал ей в утешение: «Не плачь! Щуку-то они съели, да зубы остались, недолго им побунтовать, скоро будут висеть на зубцах по стенам Белого и Земляного города». Холоп побежал за стрельцами и объявил им, что старик грозитя. В ярости воротились стрельцы, стащили больного Долгорукого на двор, рассекли на части, выбросили за ворота в навозную кучу и на труп положили соленую рыбу.

Целый день 15 мая прохозяйничали стрельцы во дворце и Кремле. Когда смерклось, они разошлись по своим слободам, но в Кремле, Китае и Белом городе оставили крепкие караулы при всех воротах, наказав не пускать никого ни в Кремль, ни из Кремля.

16 мая утром стрельцы с теми же криками, при набате и барабанном бое опять явились у дворца с требованием выдачи Ив. Кир. Нарышкина; в противном случае грозили перебить всех бояр. Несмотря на эти угрозы, Нарышкина им не выдали, и, подождав до часа пополудни, они по-прежнему расставили везде свои караулы и ушли из Кремля. Ив. Кир. Нарышкин с отцом, братьями, родственниками и сыном убитого Матвеева, Андреем Артамоновичем, прятались сначала при комнате маленькой царевны Натальи Алексеевны, а потом в комнатах царицы вдовы Марфы Матвеевны; одна только постельница Марфы, Клушина, знала об убежище несчастных. 17 числа на рассвете Клушина отвела их в темный чулан, где они спрятались за перинами и подушками; дверь чулана, по совету Матвеева, нарочно оставили отворенною для избежания подозрений. Стрельцы в третий раз столпились у дворца с криком, чтоб выдали Нарышкина и что на этот раз они без него не выйдут из Кремля. Нет никакой нужды предполагать непременно, чтоб Софья и Милославский с товарищами не хотели успокоиться, пока Иван Нарышкин был в живых, что они до такой степени были озлоблены выходками молодого человека, выдававшегося вперед из всей фамилии, но не могшего быть опасным по личным достоинствам. Для них одна половина дела была сделана — Матвеев убит; оставалось сделать другую — отнять правление у мачехи, что легко было теперь сделать при помощи стрельцов, полновластных господ в Москве; еще 16 числа Хованский спрашивал стрельцов: «Выгнать ли из дворца царицу Наталью Кирилловну?» — и получил в ответ: «Любо, любо!» Другое дело — стрельцы: они пришли ко дворцу по вести о царевубийстве, весть оказалась ложною, но для оправдания себя зачинщики кричали, что если преступление не сделано, так сделается, что во дворце есть изменники, истребители царских семян, и главный — Иван Нарышкин, который уже и корону примеривал; убили Матвеева, против которого не слышалось никаких обвинений в измене, убили ошибкою Салтыкова, убили Долгоруких, а главный изменник жив! Зачем же приходили? Где же их служба царскому дому? Что выставять заслугою и оправданием пролитой крови? Понятно, что не для заводчиков дела, но для целой массы необходимо было получить Нарышкина; только его выдачею мятеж действительно мог упасть, если не умели и не хотели прекращать его другими средствами. Царевна Софья резко сказала царице Наталье: «Брату твоему не отбить от стрельцов; не погибать же нам всем за него!» Перетрусившиеся бояре со слезами просили царицу выдать брата и тем избавить их от смерти. Делать было нечего: Нарышкина вывели из его убежища и привели в церковь Спаса за Золотою решеткою; здесь его исповедали, приобщили, особоровали; по совету Софьи ему дали держать перед собою образ богородицы: быть может, убийцы постыдятся святыни? Началось страшное прощание сестры с братом, которого вели на мучительную смерть. Это прощание некоторым показалось очень долго. Перетрусившийся старик, князь Яков Никитич Одоевский, не мог выдержать, стал торопить царицу: «Сколько вам, государыня, ни жалеть, а все уже отдать придется; а тебе, Ивану, отсюда скорее идти надобно, а то нам всем придется погибнуть из-за тебя».

Нарышкин вышел из церкви. Стрельцы, как только завидели его, с страшным воплем кинулись на жертву, но не убили немедленно же, как других, а потащили в

Константиновский застенок. Других били или по ошибке, или в пылу гнева, или за свои старые обиды; но Нарышкин был обвинен в измене, в посягательстве на жизнь царевича; стрельцы взялись вывести измену из дворца, изменник в их руках, надобно его пытать; не вытерпит мук, признается — полное оправдание восстанию. Но стрельцы обманулись в своей надежде: Нарышкин не сказал ни слова под пыткой. Из застенка его вытащили на Красную площадь и рассекли на части. Наконец казнили иностранного доктора Даниила фон-Гадена, обвиненного в отравлении царя Феодора. Гаден, заслышав беду, успел было в нищенском платье уйти из Немецкой слободы, двое суток прятался в Марьиной роще и окрестных местах; голод заставил его возвратиться в Немецкую слободу, где надеялся приютиться у одного знакомого и поесть чего-нибудь, но на улице был узнан, схвачен и приведен во дворец. Здесь царевны и царица Марфа Матвеевна умоляли стрельцов пощадить доктора; уверяли, что он совершенно невинен в смерти царя Феодора, что он в их глазах сам прежде отведывал все лекарства, которые составлял для больного государя, — все понапрасну: стрельцы кричали: «Это не одно только, что он уморил царя Феодора Алексеевича, он чернокнижник, мы в его доме нашли сушеных змей, и за это надобно его казнить смертию». Гаден находился в одном положении с Нарышкиным: на нем лежали тяжкие обвинения относительно посяганий на здоровье государево, и его потащили в тот же Константиновский застенок на пытку. Стрельцы пытали, стрелец записывал пыточные речи. Гаден не вытерпел мук, наговорил на себя разные разности, стал просить, чтоб дали ему три дня сроку и он укажет тех, которые больше его достойны смерти. «Долго ждать!» — закричали стрельцы, разорвали записку с пыточными речами, потащили Гадена на Красную площадь и там разрубили на мелкие части.

На другой день, 18 числа, во дворец явились стрелецкие выборные из всех приказов, но уже без оружия, били челом великому государю и государыням царевнам, чтоб боярина Кириллу Полуехтовича Нарышкина, родного деда своего, указал великий государь постричь. Просьба была немедленно же исполнена: старика постригли под именем Киприана и отослали в Кириллов Белозерский монастырь. 19 числа новое челобитье от солдат, стрельцов и пушкарей в заслуженных деньгах с 1646 года; выходило, что надобно было им заплатить 240000 рублей, кроме того, что им пожаловано было по 10 рублей на человека. Столько денег в казне, разумеется, не было, велено собирать со всего государства, брать и посуду серебряную и из нее делать деньги. Но стрельцы и солдаты этим не удовольствовались, били челом, чтоб имение убитых было отдано им же. 20 числа еще челобитье: чтоб великий государь указал сослать в ссылку постельничего Алексея Лихачева, казначея Михайлу Лихачева, окольничего Павла Языкова, чашника Семена Языкова, думного дворянина Никиту Акинфиева, думных дьяков Богданова и Полянского, спальников Ловчикова и всех Нарышкиных, Андрея Матвеева, стольников — Лопухина, Бухвостова, Лутохина. Двор был очищен от враждебных Милославским людей, и стрелецкие челобитья о казнях и ссылках прекратились.

Стрельцы перестали бунтовать; но правительства не было; в церквях поминали великого государя Петра Алексеевича, но не «бессемейной» матери его было думать о правительстве, и с кем? Все пряталось и трепетало за собственную безопасность. Правительством должны были овладеть люди, которые не прятались и не трепетали, а действовали, — Софья со своими сестрами и приверженцами. Царевны управляли Россией! Софья выдвинулась сама собою на первый план, и никто ей не мешал: это было единственное лицо из царского дома, которое хотело управлять, и все волею-

неволею обращалось к ней, к ней обращались и стрельцы со своими просьбами или требованиями, и, разумеется, Софья спешила удовлетворить их, раздала им деньги, сколько только можно было собрать, посулила вперед по 10 рублей на человека, согласилась дать им почетное название «надворной пехоты». У надворной пехоты не было начальника: начальником ее стал, неизвестно по чьему указу, князь Хованский; главным орудием его или руководителем был стрелец Алексей Юдин, раскольник, выборный Воробина полка.

Софья управляла на деле; но это управление надобно было освятить правом: Софья управляла во дворце, а в церквах поминали великого государя царя Петра Алексеевича. 23 мая Хованский донес царевнам, что стрельцы прислали выборных: все стрельцы и многие чины Московского государства хотят, чтоб царствовали оба брата вместе, в противном случае грозят опять приходить с оружием. Царевны послали за боярами, окольными и думными людьми; те не захотели решить такого великого дела одни; созван был собор, сошлись патриарх, архиереи и выборные из разных чинов людей Московского государства, т. е. города Москвы. Мысль, что придут опять стрельцы, заставила советных людей найти предложение двоевластия очень полезным: когда один царь пойдет с войском, то другой останется в Москве для внутреннего управления; не стало и за примерами истории, сходными и несходными, толковали о фараоне и Иосифе, об императорах Аркадии и Гонории, Василии и Константине. Решено: быть обоим братьям на престоле. Ударили в большой колокол, в Успенском соборе пели молебен и возгласили многолетие благочестивейшим царям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу. Уже этим самым возглашением давалось первенство Иоанну перед Петром; но сочли за нужное выразить это еще определеннее, понизить Петра перед Иоанном, чтоб тем самым понизить царицу Наталью Кирилловну, отнять у нее возможность требовать себе правительства. Опять стрельцкие выборные явились с требованием, чтоб Иоанн был первым царем, а Петр вторым. Царевны объявили, что выборные говорят по внушению божию, и 26 мая дума вместе с патриархом и архиереями решила: Иоанну быть первым царем, а Петру вторым, что и объявлено стрельцам и всему народу. Стрельцов кормили во дворце, ежедневно по два полка, и 29 мая они объявили боярам, чтобы правительство, по молодости обоих государей, было вручено сестре их, царевне Софье Алексеевне. Началась обычная церемония: все стали упрашивать Софью принять правительство, та отказываться, наконец согласилась.

Стрельцы пировали во дворце, им не было ни в чем отказа, они устроили, налепили правительство, которое все признали беспрекословно. А между тем стрельцам было что-то неловко. Им слышалось действительно, а может быть, и в воображении, что их называют бунтовщиками, им казалось, что на них косятся. С боярами они уже порешили, бояре им друзьями не будут, а между тем бояре останутся боярами, т. е. везде начальниками, и будут иметь возможность мстить стрельцам. Чувствуя это, стрельцы, еще во время бунта, обратились к ближайшему к себе низшему слою народонаселения, провозгласили вольными холопей, уничтожили кабалы в Холопьем приказе, но, к ужасу их, холопы не двинулись массою и воли не взяли: да и на что бы они взяли, когда многие из них недавно закабалились добровольно, находя это для себя выгодным? Стрельцы наделали неистовств, напавши врасплох на дворец, воспользовавшись робостью придворных служилых людей, овладели Москвою благодаря тому, что были вооруженные среди невооруженных; но Москва — не Россия, не вся земля, и что, если вся земля объявит себя против стрельцов, что, если многочисленные полки служилых людей-помещиков соберутся

под Москву очищать ее от стрельцов, как некогда очистили от поляков? Мирное народонаселение Москвы трусило стрельцов, а стрельцы сами страшно трусили, трусили России, и обратились к сочиненному ими и потому благосклонному к ним правительству с просьбою защитить их от России, оправдать их в ее глазах, объявить, что они 15, 16 и 17 мая сделали хорошее дело.

Стрельцы, по заводу Алексея Юдина, подали челобитную, в которой соединили свое дело с делом всех тяглых людей московских, противопоставив их и себя знатым людям, синклиту: «Бьют челом стрельцы московских приказов, солдаты всех полков, пушкари, затинщики, гости и разных сотен торговые люди, всех слобод посадские люди и ямщики. 15 мая, изволением всемогущего бога и пречистые богородицы, в Московском государстве случилось побитье, за дом пречистые богородицы и за вас, великих государей, за мирное порабощение и неистовство к вам, и от великих к нам налог, обид и неправды боярам князь Юрью и князь Михайле Долгоруким, за многие их неправды и за похвальные слова; без указу многих нашу братью били кнутом, ссылали в дальние города, да князь же Юрий Долгорукий учинил нам денежную и хлебную недодачу. Думного дьяка Лариона Иванова убили за то, что он к ним же, Долгоруким, приличен; да он же похвалялся, хотел нами безвинно обвесить весь Земляной город, да у него же взяты гадины змеиным подобием. Князя Григория Ромодановского убили за его измену и нерадение, что Чигирин турецким и крымским людям отдал и с ними письмами ссылался. А Ивана Языкова убили за то, что он, ставшись с нашими полковниками, налоги нам великие чинил и взятки брал. Боярина Матвеева и доктора Данилу убили за то, что они на ваше царское величество отравное зелье составляли, и с пытки Данила в том винулся. Ивана и Афанасья Нарышкиных побили за то, что они применяли к себе вашу царскую порфиру и мыслили всякое зло на государя царя Иоанна Алексеевича, да и прежде они мыслили всякое зло на государя царя Феодора Алексеевича и были за то сосланы. И мы, побив их, ныне просим милости — учинить на Красной площади столп и написать на нем имена всех этих злодеев и вины их, за что побиты; и дать нам во все стрелецкие приказы, в солдатские полки и посадским людям во все слободы жалованные грамоты за красными печатями, чтоб нас нигде бояре, окольные, думные люди и весь наш синклит и никто никакими поносными словами, бунтовщиками и изменниками не называл, никого бы в ссылку напрасно не ссылали, не били и не казнили, потому что мы служим вам со всякою верностию. А что ныне боярские люди к нам приобщаются в совет, чтоб им быть свободными, то у нас с ними приобщения никакого и думы нет». Софья согласилась; Цыклер и Озеров взяли на себя исполнить требование стрельцов, и столп воздвигнут был очень скоро.

Софья посредством стрельцов избавила себя и своих от страшной беды, отогнала ненавистную мачеху от правительства и сама стала правительницею. Ей было очень тяжело по смерти брата Феодора, в будущем представлялось еще худшее, и она в отчаянии, по инстинкту самосохранения, ухватилась за стрелецкие копья. Но были еще люди, которым было также тяжело и которые, по указанию Софьи, хотели ухватиться за стрелецкие копья, чтоб выйти из тяжелого положения, дать торжество своему делу. Стрельцы избили бояр, возвратили старшинство старшему царевичу: они сильны поднять и старую благочестивую веру, которую гонят никонианцы. На третий день после бунта в Титове стрелецком полку уже рассуждали о том, чтобы изыскать старую православную веру, подать челобитную, чтоб патриарх и власти дали ответ от божественного писания, за что они старые книги возненавидели и возлюбили новую латино-римскую. веру. В полку не нашлось человека, кто бы

сумел сложить челобитную и дать ответ властям, призвали чернослободца из Гончарной слободы Семена Калачникова и стали его спрашивать: «Нет ли у вас между посадскими людьми или в ином чину ревнителей старой веры, чтоб были искусны и учены божественному писанию, умели бы сложить челобитную о старом благочестии и ответ дать патриарху и властям?» «Слышал я от своей братьи, — отвечал Калачников, — что есть такие божественных писаний сказатели». Стрельцы начали его упрашивать, чтоб привел к ним таких. Калачников обещался, пошел в свою слободу и рассказал, в чем дело, троим из своих — Никите Борисову, Ивану Курбатову и Савве Романову, бывшему прежде келейником у архимандрита Макарьевского Желтоводского монастыря. «Порадеем, — говорил Калачников, — а стрельцы сильно хотят постоять за старую веру». Чернослободцы порадели и отыскивали «ревнителя отеческих преданий и твердого адаманта», монаха Сергия. «Подвигнемся!» — отвечал им Сергей. Подвигнулись, все впятером отправились в дом к Никите Борисову и начали писать челобитную о старой вере от лица всех стрелецких полков и всех чернослободцев. На другой день челобитная была уже готова, и Калачников отправился в Титов полк с радостною вестью, что поручение исполнено. Пятисотенный с двумя другими стрельцами пошел с ним к нему в дом, чтоб посмотреть на твердого адаманта и послушать, какую челобитную сочинили чернослободцы. «Попекитесь, братия, — начал говорить им Сергей, — о стольких душах, погибающих от новых книг; не дайте нас в поругание по-прежнему, как братию нашу, жечь да мучить, а мы готовы обличить их новую веру». «Готовы, честной отче! — отвечал пятисотенный — Готовы с вами заодно умереть за старое благочестие, коротко скажем: что будет вам, то и нам». Сергей поклонился ему в землю и велел Савве Романову прочесть челобитную. Стрельцы пришли в изумление: «Отроду не слышали мы такого слога и такого описания ересей в новых книгах!» — говорили они. Такое же впечатление произвела челобитная, когда Савва прочел ее в другой раз перед стрельцами, собранными у съезжей избы: многие плакали, а когда чтение кончилось, все закричали: «Подобает, братия, постоять за старую веру и кровь свою пролить за Христа-света; за тленное было головы свои положили, за Христа-света для чего не умереть?»

Стрельцы объявили Хованскому, что у них готова челобитная. Хованский, приверженец старины во всем, был известен как приверженец и старой веры, ходило предание, что он даже и страдал за нее. Хованский обрадовался, но спросил: «Есть ли, братия, кому ответ давать властям; велико дело божие сие, надобно, чтоб люди ученые были». «Есть у нас инок, зело искусен божественному писанию, и посадские многие люди на сие дело тшчатся», — отвечали стрельцы. «Приведите их всех ко мне на дом и сами приходите», — сказал боярин и назначил время.

Раскольники были с честью приняты прислугою Хованского, но часа три дожидались выхода хозяина: у него были гости. Наконец боярин вышел и, увидав монаха, о котором ему так много наговорили, поклонился ему до земли и спросил: «Коя ради вины пришел ко мне, честной отче?» Сергей отвечал, что принесли челобитную с описанием ересей в новых книгах. «Я и сам грешный, — сказал на это Хованский, — вельми желаю, чтобы по старому было в святых церквах единогласно и немятежно; хотя и грешен, но несумненно держу старое благочестие, чту по старым книгам и воображаю на лице своем крестное знамение двумя перстами». Тут Хованский прочел символ веры с необходимым для раскольников прибавлением *истинного* к духу животворящему и продолжал: «Тако верую и тако проповедаю и молю бога, дабы умилился о народе христианском, не дал до конца погибнуть

душам христианским от нынешней новой никонианской веры» Хованский по обычаю кончил свою речь несколькими текстами: «много изрек от божественных писаний». Когда все было изречено Сергей обратился к Хованскому с главным делом: «Изволь, царский болярин, челобитные послушать». Начали читать челобитную и царский болярин также был поражен множеством ересей в новых книгах и спросил: «Кто писал челобитную?» «Я с братиею потрудился», — отвечал Сергей. Но царский болярин получил не очень выгодное мнение о твердом адманте. «Вижу тебя, отче инока смиренна и тиха и неродословна, не будет тебя с такое великое дело, надобно против них человеку многоглаголивому ответ держать». Сергей отвечал: «Хотя я и не многословен и не навычен клюкам их и высокоречию, однако надеюсь на сына божия, рече бо: не вы будете глаголющие, но дух отца вашего». Тут другие раскольники, чтоб дать Хованскому надежду на успех, объявили ему, что за дело возьмется знаменитый Никита, священник суздальский хотя и отрекшийся сначала от раскола, но теперь опять за него ратующий. Хованский, услышав про Никиту, обрадовался; он был высокого мнения о его способностях, думал, что православным не устоять против него в споре. «Рад вам, братия, помогать, — говорил Хованский раскольникам, — а того и в уме не держите, что по-старому вас казнить, вешать и в срубах жечь». Раскольники начали требовать у него собора на Лобном месте перед всем народом, в присутствии государей; а если нельзя на Лобном, так в Кремле, меж соборами, у Красного крыльца, и настаивали, чтоб собор был непременно в следующую пятницу (23 июня), ибо пятница была освящена старым обычаем для соборов. Хованский отвечал, что нельзя быть собору в пятницу, потому что в воскресенье назначено царское венчание государей. «Нам того-то и хочется, — говорили раскольники, — чтоб государи венчались в истинной православной вере, а не в их латинской». Хованский свидетельствовался богом, что цари будут венчаться по-старому как было заведено со времен царя Иоанна Васильевича; но раскольникам были нужны не одни старые обряды собственно царского венчания, они говорили: государи станут на литургии приобщаться, а литургию-то патриарх будет служить по-новому, да и на венчании будет государей уговаривать, чтоб они стояли за новую веру. Хованскому нечего было отвечать на это. «Да ведь патриарху на царей не кабалу же взять, — сказал он — Будь по-вашему, собор в пятницу». Раскольники ушли от него очень довольные.

В назначенный день, в пятницу 23 числа, стрелецкие выборные отправились к Хованскому с вопросом: «Когда, государь, изволишь отцам приходить на собор?» Хованский отвечал, что через два часа. Через два часа отцы явились в Кремле: Никита нес крест, Сергей — Евангелие, монах Савватий, явившийся на подмогу к своим из волоколамских лесов, нес икону страшного суда; собралось множество народа, мужчин и женщин, и все с удивлением спрашивали друг друга: «Что это такое?» Хованский велел ввести раскольников в ответную палату, вышел к ним в сопровождении дьяков, подьячих и разного рода людей, приложился к кресту и Евангелию и спросил, как будто ничего не зная: зачем пришли честные отцы? Никита отвечал, что «пришли они побить челом о старой православной вере, чтоб велено было патриарху и архиереям служить по-старому; а если патриарх не захочет служить по-старому, то пусть даст ответ, чем старые книги дурны? И зачем он ревнителей отеческих догматов проклинаяет и в ссылку ссылает, зачем Соловецкий монастырь велел вырубить и монахов перемучить; а мы всякие затеи и ереси в их новых книгах вконец обличим». Хованский отвечал и Никите то же, что прежде Сергию: «Сам я пою и верую по старым книгам». Он взял у раскольников челобитье, понес вверх к государям и, возвратившись, сказал: «Будет против вашей челобитной

дела недели на три; патриарх упросил государей отложить до среды, в среду приходите после обеда». Но в воскресенье царское венчание? Никита об этом не забыл и спросил Хованского: «Как же, государь, изволите царей-государей венчать?» «Я вам сказал, что будут венчать по-старому», — отвечал Хованский. Но Никита не отставал: «Хорошо бы, чтоб патриарх и литургию служил по-старому, на семи просвирах, и крест бы на просвирах был истинный, а не крыж». Чтоб отделаться, Хованский отвечал: «Вы велите напечь просвир с старым крестом: я сам отнесу их патриарху и велю служить по-старому, а ты, отец Никита, ступай домой».

К воскресенью нашло еще в Москву жителей волоколамских пустынь, отец Дорофей, отец Гавриил. Радость была большая у раскольников; Никита заказал некоей искусной вдовице напечь просвир в полной надежде, что патриарх будет на них служить литургию. В воскресенье он взял просвиры и с торжеством отправился в Кремль; но торжество было непродолжительно: толпы народа заливали Кремль, ожидая выхода государей в собор, и Никита никак не мог протесниться к собору. В отчаянии возвратился он со своим узелком к отцам: «Простите, отцы снятия, никоими мерами народ не допустит до соборной церкви, и я просвиры назад принес!» Делать было нечего, роздали просвиры верным благословения ради.

Между тем раскольникове дело шло не очень удачно в стрелецких полках. Далеко не все приказы были согласны в том, что надобно постоять за старую веру. Раскольники приписывали это несогласие патриарху, который будто бы посылал за выборными стрельцами, осыпал их ласками, поил, посылал подачи и дары. Чтоб подвинуть дело, в Титове полку решили выбрать старых стрельцов, посылать их по приказам с челобитною и уговаривать подписываться под нею. Подписались девять приказов, да десятые пушкари; но в остальных десяти приказах встал сильный спор и брань: одни хотят подписываться, другие не хотят, говоря: «Зачем нам руки прикладывать? Мы отвечать против челобитной не умеем; а если руки приложим, то и ответ должны будем давать против патриарха и архиереев; старцы сумеют ли против такого собора отвечать? Они намутят тут да и уйдут. Все это дело не наше, а патриаршее; мы и без рукоприкладства рады тут быть, стоять за православную веру и смотреть правду, а по-старому не дадим жечь и мучить».

Таким образом, и стрельцы далеко были не все за раскол. Несмотря на то, длинную челобитную, на 20 столбцах, написали от имени всех православных христиан, и 3 июля выборные стрелецкие отправились к Хованскому с вопросом: когда отцам приходиться на собор? Но до Хованского уже дошли слухи, что между стрельцами волнение по раскольничьему вопросу, несогласия; он вышел к выборным и спросил именем царским: «Все ли вы полки заодно хотите стоять за православную веру?» Выборные отвечали: «Все полки и чернослободцы рады стоять за старую православную христианскую веру!» Еще два раза Хованский повторил свой вопрос и получил ответ: «Не только стоять, но и умереть готовы за веру Христову!» Тогда Хованский отправился вверх к государям, т. е. к царевне, и передал ответ выборных. Решено было, чтоб он шел с ними к патриарху. Вместе с Хованским и выборными пошли туда же и ревностные раскольники из посадских. Хованский пошел к патриарху в Крестовую, а выборные и посадские дожидались в сенях. Выборных позвали на патриарший погреб, угостили, они возвратились оттуда пьяные в сени, и посадские с ужасом увидели, что на них плохая надежда. Когда Хованский велел наконец ввести всех в Крестовую, то выборные начали кричать ревнителям: «Увидим, как-то вы станете отвечать патриарху и властям!» Вышел патриарх,

выборные пошли к нему под благословение, но посадские ревнители не двинулись. Патриарх спросил: «Зачем, братия, пришли к нашему смирению и чего от нас требуете?» Отвечал Хованский: «Пришли, государь, к твоему благословию всяких чинов люди побить челом о исправлении православной веры, чтоб служба была в соборной церкви по старым книгам».

Наступило продолжительное молчание. Хованский обратился к стрельцам и велел им говорить. Начал Алексей Юдин: «Мы пришли, святейший патриарх, к твоему благословию, за что старые книги отринуты и какие в них ереси обретаются, чтобы нам про то ведомо было». Патриарх отвечал: «Чада моя и братия! Вам не подобает судить и простого человека, кольми паче архиерея. Вы простого чина воинского, вам это дело не за искус. Я пастырь, а не наемник, дверьми вошел, а не чрез ограду, не сам я на себя такую тяготу восхитил или накопился на апостольский престол, избран повелением великого государя и всего освященного собора благословением. Хотя я и недостойн, но пастырь, и потому вы должны мне повиноваться. Вместо того вы нам прекословцы и непослушники являетесь; вы порицаете нашу веру, Никона патриарха называете еретиком, а он еретиком не был, если извержен, то за свое бесчиние, никакого повреждения в вере он у нас не сделал; исправления, какие сделаны в книгах, и троеперстный крест введен по утверждению святейших патриархов, не сами мы все это завели от себя, но от божественных писаний исправили».

Отвечать патриарху, разумеется, могли не стрелецкие выборные. С ответом выступил ревнитель из посадских, Павел Даниловец. У этих ревнителей наболело одно место: в стрелецких слободах, у Хованского, везде толковали они о своих гонениях, требовали, чтоб их не выдали, вперед не жгли и не мучили. Теперь они лицом к лицу с патриархом и архиереями, которых считали главными своими гонителями. «Правду говоришь, святейший владыка, — начал Павел, — что вы на себе Христов образ носите; но Христос сказал: «Научитесь от мене, яко кроток есмь и смирен сердцем», а не срубам, не огнем и мечом грозил; велено повиноваться наставникам, но не велено слушать и ангела, если не то возвещает. Что за ересь и хула двумя перстами креститься? За что тут жечь и пытаться?»

Патриарх отвечал: «Мы за крест и молитву не жжем и не пытаем, жжем за то, что нас еретиками называют и не повинуются св. церкви, а креститесь как хотите». Против этого возражать было нечего; раскольники очень хорошо знали, что если бы прекратилось гонение и им позволили свободно молиться как хотят, то они все же не перестали бы враждовать к церкви, считая ее неправославною; раскольники требовали от духовенства, чтоб оно не преследовало их как еретиков, но сами не принимали на себя обязательства не смотреть на духовенство как на еретическое. Павел должен был переменить разговор о гонениях и начать спор об искажениях книг, об Никоне и Арсени, известный, бесконечный спор, продолжающийся и теперь по праздникам в Московском Кремле. Когда спор прекратился и Хованский с выборными пошел к патриарху под благословение, подошел и Павел, но требовал, чтоб патриарх благословил его по-старому; патриарх не согласился, и Павел ушел без благословения. Хованский поцеловал его в голову и сказал: «Не знал я, малый, тебя до сей поры!» Собор был назначен 5 июля, в среду.

Между тем раскольники не тратили времени: проповедовали громко по улицам и площадям. На Красной площади простой народ, мужчины и женщины, собирались

толпами и толковали о старой вере, причем люди, жаловавшиеся на гонение и взывавшие к кротости и смирению Христову, не замедлили обнаружить свою кротость и смирение: вышел на площадь православный священник Савва, известный своею школьною ученостию, начал доказывать, что должно креститься тремя перстами, и сильно восставал против раскола: обличаемые побили обличителя; сильно досталось также монаху Чешихе, говорившему против раскола у Москворецких ворот.

5 июля, в среду, чем свет пришли стрелецкие выборные к Никите и монахам и объявили: «Мы об этом деле боярину уже не станем докладывать, потому что они опять станут просить сроку; но как только мы вам дадим знать, так и ступайте». Чрез несколько времени дали знать; и раскольники начали собираться: отпели молебен, благословились у отца Никиты, взяли крест, Евангелие, образ богородицы, страшного суда, старые книги, зажгли свечи и отправились в Кремль; огромная толпа народа прорвалась с ними туда же, давка была страшная; в толпе слышались похвалы раскольничьим монахам, их старинным клобукам, надвинутым на глаза, их постническому виду: «Не толсты брюха-то у них, не как у нынешних Нового завета учителей!» Раскольники расположились у Архангельского собора, расставили налои, разостлали на них пелены, разложили крест, Евангелие, образа, зажгли свечи. Патриарх с духовенством в это время был в Успенском соборе, где со слезами служил молебен: происшествие с Саввою и Чешихою мало обещало ему хорошего. По окончании молебна патриарх ушел к себе домой, а к народу выслал верхоспасского протопопа Василия с печатным обличением на Никиту, как он прежде раскаивался перед собором в раскольнических заблуждениях. Дрожа от страху, протопоп начал читать обличение, стоя против угла Грановитой палаты; но стрельцы схватили его, заушили и потащили к раскольникам, тетрадь хотели изорвать, но монах Сергей вступился. «Зачем его бить? — сказал он — Ведь он не сам собою пришел, послан патриархом, пусть дочитывает». Но толпа взволновалась, хотела протопопа камнями побить, за шумом нельзя было ничего расслышать, что он читал. Тогда Сергей сказал ему: «Что все трудишься? Видишь, никто не слушает». Толпа требовала, чтоб Сергей поучил ее от божественных писаний, как избежать прелести никонианские. Принесли скамью, Сергей вошел на нее и стал читать соловецкие тетрадки, о крестном знаменнии, о крыже, о жезлах, о просвирах и обо всем церковном пременении: окружающие слушали со сложенными руками, вздыхали глубоко, некоторые и плакали; но отцам приходилось плохо, потому что их страшно гнели со всех сторон. Сергей перестал читать соловецкие тетрадки, но толпа кричит: «Скажи нам еще, господа ради, от божественных писаний, чтоб нам душами нашими не погибнуть!» Сергей изнемог, третий день ничего не ел. «Возьми, читай ты!» — говорил он Савве Романову; но тот назад: «Не мое это дело, а ваше, вы на это и званы».

Между тем во дворце происходили также любопытные сцены. Когда отцы расположились у Архангельского собора, стрелецкие выборные отправились вверх к Хованскому спросить, когда изволит быть собору. Хованский пошел к патриарху с этим вопросом; Иоаким отвечал, что пусть раскольники идут в Грановитую палату, потому что там хотят быть царица и царевны, а на площади перед народом быть им зазорно. С этим ответом выборные отправились к отцам, но, когда отцы передали его народу, в толпе закричали: «Отчего патриарх не хочет перед народом свидетельствовать о божественном писании; подобает собору здесь быть, а в палате нельзя по множеству народа; в народе смятение: одни хвалят старую веру, а

другие — новую; надобно это сомнение и мятеж в душах христианских разрешить; вы, отцы святые, в палату не ходите, царевнам нечего тут делать; надобно тут быть царям-государям, а не царевнам». Отцы сказали выборным: «Пусть патриарх свидетельствует книги перед всем народом, а мы в палату нейдём». Выборные пересказали этот ответ Хованскому, который стал уговаривать Софью исполнить требование народа; но Софья никак не соглашалась выслать патриарха с духовенством на площадь после недавних сцен насилия; тогда Хованский начал настаивать, чтоб и в Грановитой палате никто не присутствовал из особ царского дома; он страшал новым стрелецким бунтом, прямо говорил, что если государи будут в Грановитой вместе с патриархом, то им не быть живым. Но Софья имела сношения со стрельцами, была уверена, что у них и в мысли нет о бунте, и потому спокойно отвечала Хованскому: «Буди воля божия, но я не оставлю св. церкви и ее пастыря». Не успевши напугать Софью, Хованский начал говорить боярам: «Просите ради бога царевну, чтоб она не ходила в Грановитую с патриархом, а если пойдет, то при них и нам быть всем побитым». Напуганные бояре бросились умолять Софью не ходить в Грановитую, но она и их не послушала и послала сказать патриарху, чтоб шел с знатнейшим духовенством в Грановитую, только не чрез Красное крыльцо, где могла быть опасность от изуверов, а по ризположенной лестнице. Патриарх, видя беду, из которой не думал выйти живым, пошел со слезами в Грановитую, а древние книги греческие и славянские велел нести через Красное крыльцо, чтоб народ видел, какие средства имеет церковь против своих мятежников. В то время как мужчины трепетали при входе в Грановитую, три женщины добровольно вызвались идти туда вместе с Софьею: царица Наталья Кирилловна и две царевны — Татьяна Михайловна и Марья Алексеевна. После совещания у царевен и царицы с патриархом решено было призвать раскольников в Грановитую только для прочтения челобитной.

С этим решением отправился к отцам сам Хованский. Помолившись пред крестом, Евангелием и образами и поклонившись *отцам*, он объявил им, чтоб шли в Грановитую палату. «Никакого вам зла не будет, — говорил он, — потому что царевны хотят тут же слушать челобитную, а здесь им быть зазорно. Собору и свидетельству божественных писаний сегодня быть некогда, это дело великое, а теперь на дворе уже поздно; только выслушают царевны и царица вашу челобитную, и отпуск вам будет». Отвечал Сергей: «Государь царский боярин! Мы в палату идти боимся, чтоб какого-нибудь вымысла и коварства над нами не было по-прежнему; изволил бы патриарх это дело пред всем народом свидетельствовать, а в палате столько народу не поместится; знаю, что одних нас пустят, а из народа никого не пустят, а нам без народа что там делать?» «Всем можно будет идти в палату, кто хочет ступай, — говорил Хованский, — если уже вы, отцы святые, на мою душу грешную во всем положились, так верьте мне и теперь; целую вам крест, клянусь кровию Христовою, что вам никакого зла не будет, а если что будет, так и мне то же, что вам». Тут сказал Никита: «Отец Сергей! Я ему верю». «Ну, хорошо!» — отвечал Сергей. Хованский пошел во дворец, наказавши раскольникам, чтоб без него не ходили. Возвратившись во дворец, Хованский еще раз попробовал напугать Софью, чтобы не была вместе с патриархом в Грановитой, но Иоаким объявил, что без государей к народу в Грановитую палату не пойдет, а Софья сказала решительно, что не покинет патриарха. Тогда Хованский послал выборных к отцам, чтоб шли наверх.

Раскольники двинулись с крестом, Евангелием, образами, налоями, свечами. Хованский, сдерживая данное слово, велел всех их пустить в палату, а православных священников и мирян пускать не велел, иных даже велел отогнать побоями. По раскольничьему рассказу, дело объясняется так, что, идя на Красное крыльцо, раскольники столкнулись со священниками, рванувшимися навстречу к ним из Грановитой; произошла драка, один священник схватил Никиту за волосы, стрельцы бросились на священников с кулаками и заставили их разбежаться в разные стороны. Хованский прибежал на шум и крик, отцы к нему с жалобами, что их бьют попы, и указали священника, схватившего Никиту за волосы; Хованский сейчас же велел этого священника сковать и отослать в Стрелецкий приказ, других велел сбить с верху, оставив немногих, по просьбе архиереев, кричал, бранился непристойными словами: «Ах, плуты! Я ничего не знаю, а их набралось, что кабацких ярыжек!» Отцы, однако, все не хотели двигаться дальше, крича, что неправды много стало; тогда Хованский поцеловал им крест, что никакого зла им не будет, и они пошли; с ними вместе пошло много и посадских людей.

С шумом вошли раскольники в Грановитую и расставили свои налои и свечи, как на площади; они пришли утверждать старую веру, уничтожать все *новшества*, а не замечали, какое небывалое новшество встретило их в Грановитой палате: на царском месте одни женщины! Царевны-девицы открыто пред всем народом, и одна царевна управляет всем! Они не видели в этом явлении знамения времени. На царских тронах сидели две царевны — Софья и тетка ее Татьяна Михайловна, пониже в креслах царица Наталья Кирилловна, царевна Марья Алексеевна и патриарх, направо архиереи, налево светские сановники, царедворцы и выборные стрельцы.

Патриарх обратился к отцам с вопросом: «Зачем пришли в царские палаты и чего требуете от нас?» Отвечал Никита: «Мы пришли к царям-государям побить челом о исправлении православной веры, чтоб дали нам свое праведное рассмотрение с вами, новыми законодавцами, и чтоб церкви божии были в мире и соединении». Патриарх сказал на это то же, что говорил прежде раскольникам у себя: «Не вам подобает исправлять церковные дела, вы должны повиноваться матери святой церкви и всем архиереям, пекущимся о вашем спасении; книги исправлены с греческих и наших харатейных книг по грамматике, а вы грамматического разума не коснулись и не знаете, какую содержит в себе силу». «Мы пришли не о грамматике с тобою говорить, а о церковных догматах!» — закричал Никита и сейчас же показал, что он понимает под догматами, обратившись к патриарху с вопросом: зачем архиереи при осенении берут крест в левую руку, а свечу в правую? За патриарха стал отвечать холмогорский епископ Афанасий. Никита бросился на него с поднятою рукою: «Что ты, нога, выше головы ставишься? Я не с тобою говорю, а с патриархом!» Стрелецкие выборные поспешили оттащить Никиту от епископа. Тут Софья не выдержала, вскочила с места и начала говорить: «Видите ли, что Никита делает? В наших глазах архиерея бьет, а без нас и подавно бы убил». Между раскольниками послышались голоса: «Нет, государыня, он не бил, только рукою отвел». Но Софья продолжала: «Тебе ли, Никита, с св. патриархом говорить? Не довелось тебе у нас и на глазах быть; помнишь ли, как ты отцу нашему и патриарху и всему собору принес повинную, клялся великою клятвою вперед о вере не бить челом, а теперь опять за то же принялся?» «Не запираюсь, — отвечал Никита, — поднес я повинную за мечом да за срубом, а на челобитную мою, которую я подал на соборе, никто мне ответа не дал из архиереев; сложил на меня Семен Полоцкий книгу: *Жезл*, но в ней и пятой части против моего челобитья нет; изволишь, я и

теперь готов против Жезла отвечать, и если буду виноват, то делайте со мной что хотите». «Не стать тебе с нами говорить и на глазах наших быть», — сказала ему Софья и велела читать челобитную. Когда дочли до того места, где говорилось, что чернец Арсений-еретик с Никоном поколебали душою царя Алексея, Софья опять не вытерпела: слезы выступили у нее на глазах, она вскочила со своего места и начала говорить: «Если Арсений и Никон патриарх еретики. то и отец наш и брат такие же еретики стали; выходит, что и нынешние цари не цари, патриархи не патриархи, архиереи не архиереи; мы такой хулы не хотим слышать, что отец наш и брат еретики: мы пойдем все из царства вон». С этими словами царевна отошла от своего места и стала поодаль. Хованский, бояре все и выборные расплакались: «Зачем царям-государям из царства вон идти, мы рады за них головы свои положить». Раздались и другие речи между стрельцами: «Пора, государыня, давно вам в монастырь, полно царством-то мутить, нам бы здоровы были цари-государи, а без вас пусто не будет».

Но эти выходки не могли ослабить впечатления, произведенного на выборных словами Софьи. «Все это оттого, что вас все боятся, — говорила им царевна, — в надежде на вас эти раскольники-мужики так дерзко пришли сюда. Чего вы смотрите: хорошо ли таким мужикам-невеждам к нам бунтом приходиться, творить нам всем досады и кричать? Неужели вы, верные слуги нашего деда, отца и брата, в единомыслии с раскольниками? Вы и нашими верными слугами зоветесь: зачем же таким невеждам попускаете? Если мы должны быть в таком порабощении, то царям и нам здесь больше жить нельзя: пойдем в другие города и возвестим всему народу о таком непослушании и разорении».

Ничем нельзя было так напугать стрельцов, как угрозою, что цари оставят Москву. В них было живо сознание, что поведение их с 15 мая возбудило сильное неудовольствие в могущественных классах, что бояре их ненавидят, как бунтовщиков и убийц, что многочисленное дворянское войско, и прежде их не любившее, теперь не даст им пощады по первому мановению правительства, что они целы до сих пор и наводят страх на мирное народонаселение Москвы только потому, что правительство их прикрывает; но если правительство отречется от них, оставит Москву? Выборные отвечали: «Мы великим государям и вам, государыням, верно служить рады, за православную веру, за церковь и за ваше царское величество готовы головы свои положить и по указу вашему все делать. Но сами вы, государыня, видите, что народ возмущенный и у палат ваших стоит множество людей: только бы как-нибудь тот день проводить, чтоб нам от них не пострадать, а что великим государям и вам, государыням, идти из царствующего града -сохрани боже! Зачем это?»

Софья возвратилась на свое место. Продолжали читать чело битную. Софья не могла удержаться, чтоб не поспорить еще с раскольничьими монахами о разных вещах. Когда челобитная была прочтена, патриарх взял в одну руку Евангелие, писанное митрополитом Алексием, в другую Соборное деяние патриарха Иеремии с символом веры, как он читается в новоисправленных книгах. «Вот старые книги, — сказал Иоаким, — и мы им вполне последуем». Но самое сильное впечатление произвел один священник, который выступил вперед с книгою, напечатанною при патриархе Филарете. «Вот ваши любимые книги филаретовские, — сказал священник, — смотрите, что в них напечатано: разрешается на мясо в великий четверток и субботу!» Никита, молчавший до сих пор после окрика Софьи, не вытерпел, но мог

только выбраться с досады. «Таки же плуты печатали, как и вы», — сказал он священнику.

Чтение челобитной кончилось, и раскольников отпустили из Грановитой. Вышедши из Кремля, они остановились на Лобном месте и опять рассказывали народу, сколько ересей никонианцы насеяли в божественные книги, хвалились, что переспорили и посрамили всех архиереев. С Лобного отправились за Язу; здесь в церкви Спаса в Чигасах отслужили молебен со звоном и разошлись по домам.

Народ не слышал, как отцы спорили с архиереями, и те, которые колебались, хотели *смотреть правду*, оставались в прежнем недоумении. Стрелецкие выборные, обещавшиеся смотреть правду, не видали правды Никиты с братиею в Грановитой, слышали только грозные слова царевны и правительницы, что она не будет долее сносить буйства раскольников, покинет с государями Москву, и вся вина ляжет на стрельцах, которых считают защитниками раскола. «Не променяйте нас и все Российское государство на шестерых чернецов, не дайте в поругание святейшего патриарха и всего освященного собора!» — говорила Софья выборным, и те отвечали ей: «Нам до старой веры дела нет, это дело св. патриарха и всего освященного собора». Выборные были щедро награждены и угощены за такие умные речи; рядовые стрельцы побуянили, но не могли устоять перед царским погребом, когда выставили на десять человек по ушату: принесли заручные, что вперед не будут вступаться за старую веру, а раскольников начали бить, крича: «Вы, бунтовщики, возмутили всем царством!» Те бросились бежать, куда кто мог: *отцов* перехватывали; Никите, как самому дерзкому заводчику смуты и нарушителю своего обещания, отсекли голову, Хованский никак не мог спасти его; но он успел спасти от казни Сергия, которого сослали в Ярославль, в Спасский монастырь; успел заменить смертную казнь ссылкой на Терек для садовника Никиты Борисова с товарищами, которые бежали в Брянск и там были схвачены.

Но если должны были уступать Хованскому, то тем более сердились на него. Потворство Тараруя раскольникам, его сношения с ними не были тайною; его прямо обвиняли в намерении дать торжество расколу, истребив патриарха и знатнейшее духовенство. Но тронуть Хованского, отнять у него начальство над стрельцами было нельзя: он успел приобрести любовь надворной пехоты. Сперва из желания выдвинуться на первый план, стать сильным посредством войска, державшего в страхе Москву и правительство, Хованский потакал стрельцам, исполняя все их требования, а теперь, порвавши с двором вследствие поведения своего 5 июля, Хованский должен был поблажать стрельцам уже по чувству самосохранения, потому что только благодаря им мог быть безопасен. Перед царями и боярами он выставлял свое поведение как самое благоразумное. «Когда меня не станет, то в Москве будут ходить по колена в крови», — говорил он. Стрельцы, видя, что все им позволено, что все их боятся, вели себя как завоеватели, хотели кормиться на счет завоеванных; с другой стороны, они хорошо знали всеобщую к себе ненависть, боялись мести и потому находились в постоянном раздражении, волновались при каждом слухе, что им готовится наказание. Нашлись люди, которые хотели пользоваться их раздражением: 12 июля толпа стрельцов приступила к царям с требованием, чтоб они выдали им всех бояр за то, что бояре хотят всех стрельцов перевести, поморить разными смертями. Кто им это сказал? Крещеный татарский царевич Матвей, который слышал это наверху. Сейчас царевича в застенки пытаться; повинился, что таких слов у бояр не слышал, затеял напрасно для того, что ему корму

мало и честь невелика, думал, что если случится от его слов какая смута, то честь получит большую. Татарина четвертовали, но волнения не прекращались. Посадский из Ярославля Бизяев закричал за собою государево слово: слышал на дворе у боярина князя Одоевского, что хотят бояре стрельцов переводить всякими вымыслами. С пытки Бизяев повинился, что затеял напрасно, чтоб завести смуту и выжечь Москву. Бизяеву отсекали голову; но холоп дворянина Вешнякова донес на своего господина и на сына его, бывшего стрелецкого полковника, что они собирают войско на стрельцов, нанимают боярских людей, по 20 человек на одного стрельца. Старик Вешняков умер с пыток, сын его едва остался жив. В то же время стрельцы пытали и четвертовали одного из своих полковников, Янова, обвиняя его в обидах. Все лето прошло в волнениях. 16 августа Хованский принес наверх стрелецкую челобитную, чтобы на тех стрельцов, которые взяты из дворцовых волостей, брать с этих волостей подможные деньги по 25 рублей на человека. Бояре воспротивились этому незаконному требованию. Правительнице донесли, что Хованский вышел к стрельцам и сказал им: «Дети! Знайте, что уже бояре грозят и мне за то, что хочу вам добра; мне стало делать нечего, как хотите, так и промышляйте!»

Мы должны выражаться осторожно: «правительнице донесли, что Хованский сказал», ибо известие об этом находится в сочинении, имеющем видимую цель выставить виновность Хованского. мы должны, однако, заметить, что слова эти соответствуют характеру и положению Тараруя. Но сказал ли Хованский эти слова и так ли сказал — дело не в этом; дело в том, что наверх донесено было о словах Хованского, которые заключали в себе прямой призыв к бунту; дело в том, что стрельцы волновались, своевольничали и не знали меры своим требованиям, держали в постоянной тревоге правительство и народ московский, делали положение того и другого невыносимым. Дело в том, что Софья и Милославский посредством стрельцов овладели правлением, а Хованский перешел им дорогу, овладел стрельцами, привязал их к себе и готов был употребить эту силу против Софьи и Милославского. Софья и Милославский по собственному опыту хорошо знали всю полноту искушения, представляемую положением Хованского: пойдет ли он назад? Посторонится ли, чтоб дать место им? Наверху должны были верить всем слухам о замыслах Хованского, верить, что он, выставляя свое царственное происхождение от Гедимины, хочет овладеть престолом, а чтобы связать себя и с русскою династиею, хочет женить сына на царевне Екатерине Алексеевне; что наверху верили всему, доказательством служит поведение Милославского, который, боясь быть первою жертвою нового стрелецкого бунта в пользу Хованского, как Матвеев был первою жертвою бунта в пользу его, Милославского, уехал из Москвы, крылся, переезжая из одной подмосковной в другую, «как подземный крот», по выражению современника, не переставая, по чувству самосохранения, подкапываться под Хованского, убеждать Софью принять наконец решительные меры.

Софья не нуждалась в сильных убеждениях к этому: она со стороны стрельцов и Хованского находилась в несносном *порабощении* и потому должна была привести в исполнение угрозу, которою настрашала стрелецких выборных 5 июля, т. е. выйти из Москвы и «возвестить народу о таком непослушании и разорении». Слухи о замыслах Хованского и стрельцов и действительное поведение Тараруя торопили правительницу.

19 августа бывает в Москве крестный ход из Успенского собора в Донской монастырь, в память избавления столицы от нашествия крымцев при царе Феодоре Иоановиче. Государи по обыкновению должны были идти за крестами в монастырь; но разнесся слух, что стрельцы хотят воспользоваться этим случаем, чтоб предать их смерти. Цари не пошли в ход, а на другой день, 20 августа, все царское семейство уехало в Коломенское. Стрельцы испугались: уедут цари из Москвы и приведут на них дворянское войско! 23 августа явились в Коломенское выборные из всех полков с челобитною: «Великим государям сказали, будто у нас, у надворной пехоты, учинилось смятение, на бояр и на ближних людей злой умысел, и будто у нас из полку в полк идут тайные пересылки, хотим приходить в Кремль с ружьем по-прежнему; и для того они, великие государи, изволили из Москвы выехать: но у нас во всех полках такого умысла нет и вперед не будет; чтоб великие государи пожаловали, не велели таким ложным словам поверить и изволили бы прийти к Москве». «Великим государям про ваш умысел неведомо, — был ответ, — изволили великие государи с Москвы идти по своему государскому изволению, да и прежде в село Коломенское их государские походы бывали же». С этим выборные и отпущены. Стрельцы успокоились, потому что цари после этого не двигались из Коломенского, выжидая обычного времени для дальнейших походов, которые не должны были казаться чрезвычайными. Хованский между тем, по привычке своей, вздумал напугать Софью, чтоб показать, как она нуждается в стрельцах, следовательно, в нем; он явился в Коломенское и рассказывал при боярах: «Приходили ко мне новгородские дворяне и говорили, что их братья хотят приходить нынешним летом в Москву, бить челом о заслуженном жалованье и на Москве сечь всех без выбора и без остатка». «Так надобно сказать об этом в Москве на постельном крыльце всяких чинов людям, а в Новгород, для подлинного свидетельства, послать великих государей грамоту», — сказала Софья. Хованский струсил и начал упрашивать, чтоб этого не делать и не наводить на него беды. К именинам старшего царя, к 29 августа, правительница отправила указ Хованскому прислать в Коломенское стременной полк; но Хованский боялся этого стременного полка: он был очень близок к государям, больше других подчинялся влиянию правительницы, отпустить его в Коломенское — значит отдать его в руки Софье и дать ей возможность посредством него действовать и на другие полки. Хованский ослушался указа, не отпустил стременного полка в Коломенское, тогда как прежде без царского указа хотел услать его в Киев! Нужно было несколько раз повторить указ, и тогда только Хованский решился отпустить стременных.

Наступило 1 сентября, торжество Нового года, требовавшее, по обычаю, присутствия царей в Кремле; цари не приехали, послали указ Хованскому быть у действия Нового лета; но Хованский не был; патриарх сильно рассердился, потому что торжество вышло очень бледно; из знати был только один окольный. И простого народа было очень мало, потому что все были в ужасе: не переставали ходить слухи, что в тот или другой праздник непременно будет стрельцкий бунт; но в то самое время, когда безоружный народ трепетал перед стрельцами, стрельцы не меньше трусили, ибо ходили слухи, что в тот или другой праздник будет им месть от боярских людей, нападут на них, когда пойдут на караул, перебьют их жен и детей. Карету Хованского постоянно окружали стрельцы, человек по 50, на дворе у него стоял караул, человек по сту.

На другой день, 2 сентября, цари выехали из Коломенского в село Воробьево, 4 числа из Воробьева в Павловское, 6 приехали в Саввин Сторожевский монастырь.

Отпраздновав здесь память чудотворца Саввы 10 сентября, в тот же день выехали в село Павловское; 12 числа из Павловского в село Хлябово; 13-го из Хлябова в Воздвиженское к здешнему празднику. 14 числа, отслушав обедню, государи указали: для своих дел и для приезда гетманского сына Семена быть к себе в поход в село Воздвиженское и Москвы всем боярам, окольниковым, думным людям, стольникам, стряпчим, дворянам московским и жильцам к 18 сентября. 16 числа гетманч был принят великими государями. 17-го, в день именин Софьи, уже множество знати и придворных наполняли Воздвиженское, знали, что и Хованский с сыном Андреем выехал из Москвы. После обедни именинница изволила бояр, окольниковых и думных людей жаловать водкою. Но после водки у великих государей и сестры их началось с боярами *сиденье* о важном деле; думный дьяк докладывал: «Великим государям ведомо учинилось, что боярин князь Иван Хованский, будучи в Приказе надворной пехоты, а сын его, боярин князь Андрей, в Судном приказе, всякия дела делали без великих государей указа, самовольством своим и противясь во всем великих государей указу; тою своею противностию и самовольством учинили великим государям многое бесчестие, а государству всему великие убытки, разоренье и тягость большую. Да сентября, во 2-е число, во время бытности великих государей в Коломенском, объявилось на их дворе у перед них ворот на них, князя Ивана и князя Андрея, подметное письмо: извещают московский стрелец да два человека посадских на воров и на изменников, на боярина князя Ивана Хованского да на сына его князя Андрея: «На нынешних неделях призывали они нас к себе в дом, человек 9 пехотного чина да пять человек посадских, и говорили, чтоб помогали им достигать царства Московского, и чтоб мы научали свою братию ваш царский корень известь, и чтоб придти большим собранием неожиданно в город и называть вас, государей, еретическими детьми и убить вас, государей, обоих царицу Наталью Кирилловну, царевну Софью Алексеевну, патриарха и властей; а на одной бы царевне князю Андрею жениться а остальных царевен постричь и разослать в дальние монастыри; да бояр побить: Одоевских троих, Черкасских двоих, Голицыных троих, Ивана Михайловича Милославского, Шереметевых двоих и иных многих людей из бояр, которые старой веры не любят, а новую заводят; и как то злое дело учинят, послать смущать во все Московское государство по городам и деревням, чтоб в городах посадские люди побии воевод и приказных людей, а крестьян получать, чтоб побии бояр своих и людей боярских; а как государство замутится, и на Московское бы царство выбрали царем его, князя Ивана, а патриарха и властей поставить, кого изберут народом, которые бы старые книги любили».

Великие государи и сестра их, выслушав это письмо, указали и бояре приговорили: «По подлинному розыску и по явным свидетельствам и делам и тому изветному письму согласно, казнить смертью». Немедленно отправлен был боярин князь Лыков с большим отрядом придворных по Московской дороге схватить Хованских, где их встретит. Старика Хованского Лыков встретил у села Пушкина в палатке, напал внезапно и забрал под стражу вместе с несколькими стрелецкими выборными; князя Андрея захватил недалеко оттуда, в подмосковной его на реке Клязьме. Когда в Воздвиженском узнали, что Хованских везут, послали сказать Лыкову, чтоб остановил их у передних ворот государева двора, где и сказать им указ о смертной казни. Для этого бояре, окольниковые и думные люди вышли из государева двора и сели на скамьях перед воротами; разрядный думный дьяк Шакловитый читал сказку о винах: как Хованский роздал многую государеву денежную казну без указа; всяких чинов людям позволил ходить в государевы палаты без всякого страха, с наглостию и невежеством, чего и в простых домах не повелось; держит у себя в приказе за

решетками и сторожами многих людей понапрасну; правил на многих людях деньги без очных ставок и без розыска; подписал даточным людям челобитную о сборе подможных денег с дворцовых волостей и, когда было решено, что денег этих не собирать, говорил затейками своими и вмещал слова злые, что будет за это великое кровопролитие; при государях и боярах вычитал свои службы с великою гордостью, будто никто так не служивал, говорил: «Если меня не станет, то будут в Москве ходить по колена в крови»; оба, и отец и сын, при государях в палате дела всякие отговаривали вопреки государеву указу и Уложению с великим шумом и невежеством, бояр бесчестили и никого в свою пору не ставили, многим грозили смертью; вместе с раскольниками князь Иван ратовал на святую церковь и потом этих церковных мятежников оберегал от казни; вопреки царскому указу не послал пехотные полки против калмыков и башкир; несколько раз ослушивался указа великих государей; клеветал на новгородских дворян, будто хотят приходиться на Москву; клеветал на надворную пехоту, что быть от нее великим бедам, а надворной пехоте говаривал многие смутные речи. В заключение дьяк читал подметное письмо.

Хованские не молча слушали обвинительную сказку, оправдывались, слезно просили, «чтоб господа бояре выслушали причины те о совершенных заводчиках с начала бунта стрелецкого, от кого был вымышлен, и царским величествам донесли, чтоб им с ними дать очные ставки и безвинно их так скоро не казнить». «Если сын мой, — говорил старик Хованский, — все так делал, как говорится в сказке, то я предам его проклятию». Но Милославский, как говорят, дал знать царевне, и та прислала сказать, чтоб приговор был немедленно исполнен. Стременной стрелец, за недостатком палача, *вершил Хованских на площади у большой Московской дороги*. Так отпразднованы были именины царевны-правительницы!

В тот же день была написана и отправлена в Москву грамота к надворной пехоте с извещением о казни ее отца-начальника и его сына: «Вы бы их явную измену ведали и никаким прелестным и лукавым словам и письмам не верили, на себя нашей опалы и никакого гнева не опасались и никакого сомнения в том не имели, потому что нашего гнева на вас нет». Но 17-го же числа успел уйти из Воздвиженского другой сын Хованского, князь Иван; ночью он уже был в Москве и рассказывал стрельцам, что отца его взяли в селе Пушкине люди боярские и казнили без указа великих государей; в полку Лопухина рассказывал Григорий Языков, сын окольного Павла Языкова, что бояре Одоевские и Голицыны со многим собраньем хотят надворную пехоту рубить, что по дорогам стоят на заставах всяких чинов люди и боярские холопы с ружьем, хотят идти в Москву на стрельцов и дворы их пожечь; поэтому надобно надворной пехоте засесть в Москве.

Совет был немедленно исполнен; в первую минуту после страшной вести самым естественным движением было схватиться за оружие и стать в оборонительное положение: стрельцы заняли Кремль, разобрали с пушечного двора пушки, порох, свинец, расставили всюду караулы и сели в осаде, не впуская и не выпуская никого из Москвы. Кричали, что надобно идти против бояр; толпились в Крестовой у патриарха, который уговаривал их не своевольничать; грозили убить его, если он заодно с боярами, но все ограничивалось одними угрозами и криками: страх был господствующим чувством; страх напал и на бутырских солдат, участвовавших в прежних стрелецких волнениях. 20 сентября в Марьиной роще пропали два солдата с лошадьми: этого было достаточно, чтоб Бутырки переполошились; в страхе и сомнении солдаты взяли себе с Пушечного двора четыре пушки. Вечером 24

сентября является на Бутырки крестьянин Воронин и рассказывает, что по Троицкой дороге идут боярские люди, конные и пешие, с ружьем и пушками, видимо-невидимо, идут на дворцовое село Тайнинское и хотят быть в Бутырской слободе 25 сентября в ночь: солдаты, в ужасе, отпустили жен и детей своих в Москву к родственникам. Между тем еще 18 числа узнали в Воздвиженском о стрелецких волнениях и приняли меры: в ближайшие города поскакали придворные с грамотами, чтоб служилые люди спешили к Троицкому монастырю в полном вооружении; вслед за тем двор выехал в Троицкий монастырь, который был приведен в осадное положение, главное начальство было поручено человеку, верному правительнице князю Вас. Вас. Голицыну. 19-го числа приехал к Троице чудовский архимандрит Адриан с известием от патриарха: надворная пехота приходила к нему с челобитьем, чтоб великие государи изволили идти в царствующий град Москву, а у них, надворной пехоты, никакого дурного умыслу нет. Государи отвечали с нарочным, чтоб стрельцы служили, по своему обещанию, верно, от смятения перестали, всполохов и страхования в Москве не делали что Хованские казнены за измену — стрельцам до этого дела нет суд о милости и о казни вручен от бога великим государям, стрельцам об этом не только говорить — и мыслить не довелось; царской опалы и никакого гнева на них, стрельцов, не было; так пусть будут на милость великих государей надежны, и которым из них велено идти на службу в Киев, пусть идут немедленно и тем службу свою покажут; а какие у них есть дела, то они бы прислали об них челобитчиков — выборных людей.

Скорое прибытие с разных сторон служилых людей к Троице большими толпами дало возможность правительнице действовать решительнее: для управления Москвою отправлен был боярин Михайла Петрович Головин, который своими распоряжениями показал стрельцам, что их теперь не бояться; это, вместе с известиями о сборе служилых людей к Троице, нагнало еще больше страха на надворную пехоту; стрельцы плакали, как дети, и 22 числа явились к Головину с челобитьем, чтоб великие государи велели им быть у себя для челобитья, по сколько человек из полку — укажут а без указа идти не смеют. Указ пришел немедленно: быть по 20 человек из полку. 24 числа стрельцы пришли бить челом к патриарху, чтоб отпустил с их выборными к Троице архиерея, одни идти бояться, переказнят их там. Патриарх отпустил с ними суздальского митрополита Илариона, но и это не совершенно их успокоило: некоторые так перетрусились, что бежали с дороги назад в Москву. Остальные 24 сентября были представлены Софье, которая встретила их строгим выговором за их поведение, указывая на многочисленное войско, собравшееся для их наказания. Стрельцы подали ей письменную сказку: «Деды, отцы, дядья и братья наши и мы государям служили и ныне служим и работаем всякие их государские службы безызменно и впредь работать безо всякой шатости рады; услышим от кого-нибудь из нас или от иных чинов людей злоумышленные слова на государское величество, на бояр, думных и ближних людей, таких будем хватать и держать до указа, как будут государи в Москву из похода; а у нас никакого злоумышления нет и вперед не будет; ратная казна, которую мы взяли, пушки, порох и свинец теперь в полках в целости; полки, которым велено идти в Киев на службу, готовы».

Но этого было мало. Правительница обещала простить стрельцов и солдат только с условиями: 1) нынешние свои вины заслуживать головами своими, никакого дурна не мыслить, смятения не затевать и никого к тому не подговаривать, ни к каким мятежникам-раскольникам и другим воровским людям не приставать, по-прежнему

не собираться с оружием в город и никуда не приходиться, кругом, по козачью, не заводиться. 2) Кто станет говорить непристойные речи на государей, бояр и всяких чинов людей, или объявятся прелестные и смутные письма, таких людей хватать и приводить и письма приносить в Приказ надворной пехоты. 3) К начальству многолюдством, с шумом и невежеством не приходиться. 4) Самим ни с кем не управляться, не своевольничать и не грабить, быть у начальства в послушании. 5) Пушки и всякие запасы, взятые 18 числа, возвратить немедленно в прежние места. 6) Куда кому указано идти на службу, выступить немедленно. 7) Ни у кого дворов себе не отнимать, людей и крестьян в пехотный строй и на свободу не подговаривать и свойственниками их не называть. 8) В солдатский Бутырский полк и в полки надворной пехоты никого вновь, без указа, не приверстывать; солдатских и надворной пехоты детей, которые моложе семнадцати лет и у которых есть отцы, из солдат и надворной пехоты отставить, быть им до 17 лет в недорослях и жить с отцами; боярских людей, крестьян и гулящих людей, которые в нынешнее смутное время писаны в солдаты и надворную пехоту, выкинуть из того строя всех и отдать их помещикам и вотчинникам по крепостям, а гулящих людей переписать и отправить на прежние места жительства, а на Москве не держать, чтоб от них воровства не было. 9) В дело Хованских не вступаться.

8 октября, в воскресенье, патриарх служил обедню в Успенском соборе, который весь был наполнен стрельцами. После обедни на амвоне поставили два налоя: на одном положили Евангелие, на другом — руку апостола Андрея Первозванного; вышел патриарх, прочел поучение о мире и любви, потом прочтены статьи, исполнения которых правительство требовало от надворной пехоты. Стрельцы целовали Евангелие, руку апостола и приняли статьи от патриарха, обещая желать государям добра и не щадить за них голов своих. Иван Хованский был выдан ими Головину и отправлен в Троицкий монастырь: там прочли ему смертный приговор, положили на плаху, но не казнили, а отправили в ссылку.

Октябрь приходил к концу, а двор все еще жил у Троицы, окруженный дворянскими полками. Стрельцы решились, или их заставили решиться, сделать последний, самый трудный шаг — отказаться от дела 15 мая как от подвига и признать в нем мятеж, преступление. Стрельцы подали челобитную: «Грех ради наших, боярам, думным и всяких чинов людям учинилось побиение на Красной площади, и тем мы, холопы ваши, бога и вас, великих государей, прогневали; по заводу вора и раскольщика Алешки Юдина с товарищами, по потачке всякому дурну названного отца их, князя Ивана Хованского, и сына его, князя Андрея, били челом все полки надворной пехоты, покрывая большие свои вины, чтоб вы, великие государи, пожаловали нас грамотами, чтоб нас ворами и бунтовщиками никто не называл, — и жалованные грамоты даны. По злоумышлению тех же Юдина и Хованских били челом, чтоб на Красной площади сделать столп и написать на нем вины побитых, и столп сделан. И ныне мы, видя свое неправое челобитье, что тот столп учинен не к лицу, просим: пожалуйте нас, виноватых холопей ваших, велите тот столп с Красной площади сломать, чтоб от иных государств в царствующем граде Москве зазору никакого не было».

Столп был сломан, и стрельцам с солдатами дана новая жалованная грамота, где говорилось, что по злохитроственному умышлению князей Хованских и Алешки Юдина с товарищами солдаты и стрельцы возмутились и в этой смуте побиты были бояре и других чинов люди; за это Хованский и Юдин казнены 17 сентября, а солдаты и

стрельцы подали заручные повинные челобитные. Великие государи, видя их слезы, простили им преступление, запретили называть их бунтовщиками и изменниками, приказали выдавать им годовые их оклады сполна, без вычета и безволокинно, без взяток от приказных людей, прибавить подъемные деньги и не делать никаких вычетов на разные полковые потребности, на начальство им не работать.

Только после этой окончательной повинной со стороны стрельцов двор возвратился в Москву 6 ноября. Надобно было прежде всего озаботиться выбором начальника Стрелецкого приказа (название надворной пехоты исчезло). Сначала назначили на это важное место окольного Змеева, но потом в декабре нашли человека более надежного: думного дьяка Федора Леонтьевича Шакловитого. Твердость нового начальника подверглась скоро испытанию. 26 декабря явилась в Стрелецкий приказ толпа стрельцов из полку Бохина под предводительством двоих — Ивана Пелепельника и Федора Ворона. С невежеством и шумом подали они челобитную, чтоб перевели из их полка несколько стрельцов в другой полк. Им отвечали, что этот перевод уже состоялся и без их челобитной. Стрельцы ушли, но потом возвратились и начали кричать, чтоб выдали им пятисотного Борисова и приказного пристава Кондратьева. Им отвечали, что этого сделать не довелось, а будет им царский указ по сыскному делу. Стрельцы не переставали кричать, что их прислали всем полком. Шакловитый велел перехватать крикунов и посадить их в приказ. Но вслед за тем в том же полку обнаружилась новая смута: по сыскному делу надобно было взять в приказ стрельца Ивана Жареного; но когда сотенный пришел, чтоб схватить его, товарищи вступились за Жареного, начали кричать: «Пусть нас всех переказнят, а Ивашку мы не отдадим!» Но пришли два стрелецких полка и Ивашку взяли вместе с четырьмя заводчиками смуты и всех казнили смертью. Бохинские стрельцы пришли просить прощения, но им объявили, что за вину свою они на государевом дворе караулов держать не будут и жалованная грамота у них взята. Через несколько времени, впрочем, их совершенно простили.

Спешили уничтожить и следствия мятежа. 13 февраля 1683 года издан был указ: «Которые холопи взяли у бояр отпускные в смутное время за страхованием и с теми отпускными били челом кому-нибудь во дворы и дали на себя кабалы, тех отдать прежним их боярам и впредь таким отпускным не верить, потому что они их взяли в смутное время, неволею, за смутным страхованием, да этим же холопам при отдаче их чинить жестокое наказанье, бить кнутом нещадно, если же прежние господа не возьмут их, то ссылать их в сибирские и другие дальние города на вечное житье». В Москву дали знать, что московская смута отзывается в областях и по тому 21 мая издан был указ: «Ведомо великим государям учини лось, что в городах тамошние жители и прохожие люди про бывшее смутное время говорят похвальные и другие многие непристойные дела, на смуту, страхованье и соблазн людям, и великие государи указали: во всех городах и уездах учинить заказ крепкий, под смертною казнию, и биричам велеть кликать, чтоб всяких чинов люди прошлого смутного времени никак не хвалили, никаких непристойных слов не говорили и затейных дел не вместили».

Смута должна была сильнее отозваться на юге в козацких сторонах.

В южном Переяславле стрельцы перестали слушаться воеводы овладели кабаком, в приказной избе посадили простого стрельца чтоб ведать всякие дела, оставили своих пятисотенных и десятников, одного пятисотенного чуть не убили, на их место

выбрали других и отправили 20 человек с челобитною в Москву. Гетман писал царям: «Смею донести вашему царскому величеству, что непрестанная печаль так меня преодолела, что уже и силы во мне мало осталось. Переяславские стрельцы поступками своими сильно вредят тамошним нашим людям, между которыми немало старых своевольников». В Конотопе путивльский купец Афанасий Беляев разглашал, что под Путивлем соберутся царские войска тайно, учинят раду, призовут на нее гетмана Самойловича или силою возьмут и станут рубить всю старшину войсковую и арендаторов.

Летом 1683 года в Москве узнали, что на Дону какой-то чернец Иосиф распространяет воровские письма. Немедленно отправился туда Посольского приказа толмач Тарас Иванов с требованием выдачи этого монаха. Собрался круг; есаулы, по приказу атамана Фрола Минаева, говорили козакам: «Надобно за чернцом и за его советниками послать и доведется отпустить их к великим государям, воров жалеть нечего». Но в ответ раздались крики, что чернеца посылать не для чего, потому что он малоумен и письмо воровское сочинял не он, надобно послать за настоящими ворами, которые чернецу письмо дали и обманули; воры эти — Куземка Косой да Костка стрелец, живут они на устье Медведицы, а чернец живет на Северском Донце. Объявились и другие мнения: козак Фомка Савостьянов говорил: «Для чего за теми ворами посылать и где их сыскать?» Пашка Чекунов прибавил: «Для чего их в Москву посылать? И без них на Москве много мяса». Тут выступили атаман и старшины и начали говорить: «Для чего вы за воров стоите? Почему, сыскавши, их не отослать? Или вам мало государственной милости и жалованья?» Потом старшины подошли к Тарасу Иванову и стали говорить ему тихонько: «Видишь, какие у нас люди и за кого стоят? Для чего в государевой грамоте не написано, чтоб тех воров сыскать и казнить у нас, мы бы их казнили тотчас. Которые люди являются на Москве в расколе и стрельцы за разные воровства битые кнутом, руки и ноги сечены, носы и уши резаны, а ссылают их в новый город Полатов — те люди объявились у нас все на Дону, и воровские замыслы и смуты идут от них. При тебе из Полатова пришло сюда таких воров семь человек. Вот Самойла Лаврентьев и старый козак, а держит у себя таких воров и дает им на ссуду лодки и ружья. Извести боярину князю Василью Васильевичу Голицыну, чтоб вперед таких воров не ссылали в города, которые близ Дону, потому что они из этих городов уходят к нам на Дон, и всякое воровство и смуты начинаются от них, в кругах оспаривают царские указы и дела, ворами потакают и кричат. Мне и другим старшинам и добрым козакам говорить нельзя, потому что всех нас побьют».

Поговорив с царским посланным, атаман велел есаулам кричать: «За ворами послать надобно и есть ли в ту посылку охотники? Кто выищется, тем дано будет войсковое жалованье». Выступили трое козаков и говорили: «Мы рады богу и великим государям служить и за ворами ехать и без жалованья». Атаман отвечал: «Без жалованья ехать нельзя, будьте готовы, а жалованья вам по 4 рубля человеку».

О воровском письме посланному рассказывали, что в нем написано от имени царя Иоанна Алексеевича, приказывает козакам идти в Москву, будто бояре его, государя, не слушают и не воздают ему достойной чести, и другие многие непристойные слова, которых нельзя и сказать, да на патриарха и на архиереев написаны также многие непристойные слова, печать у письма красная, но не государственная, должно быть, монастырская. Когда это письмо в кругу прочли, то многие *легкомысленные* козаки и воры, ссыльные люди закричали и хотели

сбираться в Москву. Но Фрол Минаев и старшина говорили, что письмо воровское, верить ему нечего, печати великих государей у письма нет, а если б письмо было прямое, то великие государи прислали бы с ним не такого вора-чернеца, прислали б знатного человека. За такие речи Фрола Минаева, Ивана Семенова и многих старых козаков воры хотели убить до смерти. Иван Семенов принужден был сдать атаманство, а Фрол Минаев недели с две не выходил из своего куреня, боясь, чтоб воры не убили.

При отпуске Фрол Минаев и другие знатные козаки говорили Тарасу тайно: «Доложи князю Василью Васильевичу Голицыну, что все воровство идет у нас на Дону от воров-раскольников, которые у нас живут по Хопру и по Медведице, а именно от старцев Антония и Пафнутия, и от ссыльных, которые сбежали на Дон из украинских городов». После на Дону нашли виноватым только одного Костку Леонтьева и прислали его с воровскими письмами в Москву.

Кроме раскольничества на Дону стало сильно пахнуть разинским духом. В том же 1683 году атаман Максим Скалозуб вызвался идти с охотниками на Волгу *для зипуна*, хотел промышлять над непокорными царям калмыками. Но вместо калмыков приступал к Царицыну и был отбит после жестокого боя, в котором погибло много государевых людей. Фрол Минаев давал знать тайно Голицыну, чтоб из Москвы отнюдь не посылали к Скалозубу с увещаниями, ибо в таком случае к нему пристанет много и других козаков. «Теперь у нас, — говорил Фрол, — вольницы много, унимать нам их нельзя, потому что всем нам, старшинам, от голутьбы теперь стало тесно. *Призывали* (посылали с увещаниями) вора Стеньку Разина и этим призывом его испортили; а Скалозуб, ходя на низу на Волге без пристанища, пропадет скоро, потому что его на Яик и в другие места никуда не пустят».

Скалозуб пропал. В Москве Шакловитый зорко следил за стрельцами. 30 декабря 1683 года он подал царям и царевне докладную записку о необходимости удалить из Москвы некоторых стрельцов, особенно астраханцев, для предупреждения новой смуты. Мера была принята.